

Лин Рина

КНИЖНЫЕ
ХРОНИКИ
АНИМАНТ КРАМБ

*Добро пожаловать в уютную атмосферу
старого Лондона...*

Лин Рина
Книжные хроники
Анимант Крамб
Серия «Young Adult. Немецкое
магическое фэнтези»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63694316
Книжные хроники Анимант Крамб: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-117957-1*

Аннотация

Англия, 1890 год. Эпоха, в которой женщине из высшего общества негоже добиваться успеха наравне с мужчинами.

Тугие корсеты, балы и светские беседы – вот и все прелести девичьей жизни. Но юная Анимант обожает читать. На страницах книг она путешествует по свету, сочиняет мелодии, развязывает войну... Делает все то, чего была лишена из-за дурацких стереотипов.

Однако у Анимант появляется отличный шанс проявить себя: месяц в Лондоне, где ее ждет мистер Рид – язвительный молодой человек, который ищет себе помощницу.

Анимант предстоит столкнуться со сложными задачами, узнать, какие тайны скрываются за дверями огромной

библиотеки. И наверняка здесь девушка встретит любовь, о которой прежде знала лишь понаслышке. Вот только ей стоит прислушаться к собственному сердцу, чтобы не совершить непоправимую ошибку...

Содержание

Пролог	7
1	11
2	29
3	49
4	62
5	80
6	99
7	115
8	126
9	137
10	151
11	162
12	171
13	184
Конец ознакомительного фрагмента.	193

Лин Рина

Книжные хроники

Анимант Крамб

*Посвящается Доре, потому что по твоим венам
текут слова и мечты*

Lin Rina
Animant Crumbs Staubchronik

* * *

Published by arrangement with Ferly Umschlagdesign: Marie
Graßhoff Bildmaterial: Shutterstock Titelschrift, Widmung und
Initialen: Lin Rina

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2017 by Drachenmond Verlag GmbH

© Москаленко К., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Пролог

Я мысленно проклинала маму, пока, прислонившись к мраморной колонне, любезно смеялась, мечтая, чтобы в словах моего собеседника было побольше смысла.

– Но белый медведь сказал: «Я барон Мюнхгаузен!» и затем откусил пингвину голову, – продолжал он, а я, к сожалению, выпила недостаточно пунша, чтобы делать вид, что его шутка смешная.

Он довольно красив, но его внешний вид такой нелепый. Что бы ни диктовала мода, мужчинам не стоит надевать сиреневые жилеты. Это выглядит очень странно.

– Вы совсем не смеетесь, – отметил он со свойственным ему остроумием, и мне захотелось вздохнуть от его наивности. Но не получилось, просто не хватило воздуха.

Мой корсет был настолько туго затянут, что я практически не могла дышать, а ноги просто подкашивались из-за недостаточного кровообращения.

Мэри-Энн так зашнуровала его, чтобы я влезла в это светло-голубое нечто, называемое вечерним платьем, которое мама купила в Лондоне, и выглядела привлекательно для сельских богатых холостяков. Мама сказала, что такая шнуровка сейчас на пике моды в Лондоне и все молодые девушки щеголяют так. Но для меня это было невыносимо, и я боялась, что умру от недостатка кислорода, если отойду от окна.

Мне казалось совершенно бессмысленным подстраивать тело под одежду, а не одежду под тело.

Но что я понимала? Я была всего лишь ленивой, бесполезной девчонкой, от которой требовалось очаровывать молодых людей светло-голубой тафтой, чтобы они не обращали внимания на мой скверный характер.

Молодой человек по-прежнему выжидающе смотрел на меня.

– Эта история абсурдна, – начала я, намереваясь сделать именно то, что мама мне всегда говорила не делать. Стала его поучать. А молодым людям совершенно не нравилось, когда женщина, которую они хотели убедить в том, что она самая желанная партия в этом зале, знала это лучше, чем они сами. – Не упоминая того, что животные не могут говорить, хотя это простительно, поскольку это якобы шутка, но я не могу поверить, что белый медведь может сделать что-то подобное, – продолжила я, но меня резко прервали.

– Ну... думаю, что белый медведь достаточно сильный, чтоб откусить пингвину голову. Он же хищник, в конце концов, – высказался задетый моими словами молодой человек, которого звали то ли Хилтон, то ли Милтон, и упер руки в бока, чтобы скрыть свою неуверенность.

– Да, – ответила я. – Но не думаю, что он дошел бы с северного до южного полушария только для того, чтобы познакомиться с пингвином о шарообразном яйце.

Милтон, или Хилтон, весьма глуповато посмотрел на ме-

ня, а затем, к счастью для нас двоих, заметил знакомого. Он кратко представил нас друг другу, формально извинился передо мной и ушел.

Бедная деревенщина.

Когда я осталась одна, обвиняющий голос мамы в моей голове предупредил, что я проживу всю жизнь в одиночестве и зачахну от тоски.

При этом я не была одинока. Она отправляла меня на бесконечные и скучные званые вечера и балы, на которых мне приходилось поддерживать только бессмысленные беседы. В основном с людьми, которые считали себя образованными, потому что когда-то посмотрели на обложку книги и теперь подшучивали над смущением других.

И это вместо того, чтобы сидеть дома в своем старом кресле и следить за мыслями блестящих умов. Мужчины уже были в моей жизни, и я наслаждалась каждым моментом, проведенным с ними. На страницах книг я расследовала преступления, используя технику сравнения отпечатков пальцев, которые у каждого человека были такими же уникальными, как снежинки. Я захватывала города, строя лошадь из дерева и прячась в ней. Следила за литературными дискуссиями, историческими изложениями, изучала человека, его разум и душу. Я путешествовала по миру за восемьдесят дней, училась строить самолеты, сочиняла мелодии, развязывала войну.

Но мама считала это глупостью. Вышивание, вот занятие

для девушки моего класса.

Я вздохнула про себя.

Кто только так решил?

1

Глава первая, в которой мой дядя пришел в гости

– Она выставила его посмешищем, Чарльз! Бесцеремонно открыла рот и выдала свои заумные фразочки, – жаловалась мама отцу, на что я закатила глаза. Она всегда так драматизирует.

– Каждый раз, когда с ней разговаривает молодой человек, она все портит. Почему она не может помолчать, как все остальные девушки? – продолжала мама, и я могла представить, как она бегаёт по комнате туда-сюда, положив одну руку на грудь, а другой размахивает в воздухе. – Джулия Гудман, тихая девушка, и в семнадцать лет была уже помолвлена. Или старшая из сестер Бордли. Она знала, в какой момент лучше промолчать, и в восемнадцать лет вышла замуж! – Она глубоко вдохнула. Я, конечно, этого не слышала, но знала, что она это сделала.

Отец, напротив, вероятно, облокотился на камин или стол, молчал и задавался тем же вопросом, что и я: почему она всегда говорит о молчаливых девушках, но сама никогда не молчит.

– Твоя невоспитанная дочь сидит весь день на чердаке в старом кресле и запоем читает книги вместо того, чтобы

учиться правильно себя вести! – резко сказала она, и я представила, как отец хмурится.

– Ани знает, как себя вести, дорогая! – отец встал на мою защиту, и я рассмеялась.

Из-за онемевшей правой ноги я попыталась поменять позу, не отрывая уха от вентиляционной решетки камина, тянущейся от кухни через кабинет отца до чердака.

– И почему она тогда этого не делает? – воскликнула мама, и я тихо застонала, потому что знала, к чему все это приведет. – Ей уже девятнадцать, Чарльз. Девятнадцать! Постепенно я начинаю думать, что она попросту не может вести нормальную жизнь. Одни книги, книги, книги. И через пару лет она станет старой девой, которую никто не возьмет в жены, потому что все ее молодые годы прошли на старом грязном чердаке! – начала всхлипывать мама, и отец забормотал слова утешения.

Я подняла голову и ударилась затылком. Мама просто излишне беспокоилась о вещах, которые казались мне совершенно неважными. Она думала, что замужество и ведение хозяйства – это величайшее счастье каждой молодой девушки.

Но только не мое. И что с того, если у меня не будет мужа? Возможно, я не стану богатой, не обзаведусь каретой и не смогу каждые полгода обновлять гардероб, но открытые библиотеки были бесплатными, и там я буду определенно счастливее, чем рядом с глупым мужчиной в шикарном доме.

Я смахнула пыль с юбки, поправила блузку и убрала со лба прядь волос, выбившуюся из прически.

С тоской я взглянула на свое старое кресло, темно-зеленый бархат которого был немного потертым на подлокотниках и которое моя мама убрала много лет назад, потому что оно казалось ей слишком потрепанным.

Но для меня оно было связано с хорошими воспоминаниями, как и книги.

Больше всего мне хотелось устроиться на его продавленных пружинах, открыть начатую книгу и просто забыть, что снаружи существуют мир, общество и мать-сваха.

Но Мэри-Энн позвала обедать, и мне пришлось отложить свое желание.

Громко простонав, я зажала тоненький роман под мышкой, приподняла подол юбки и спустилась по крутой лестнице на второй этаж.

Наш дом был больше, чем нужно. По крайней мере, мне так казалось. Я любила маленькие комнаты и стены, которые дарят чувство безопасности. Моя мама, наоборот, хотела простора, и ей не нравилось, когда какой-либо предмет мебели стоял не на своем месте, заставляя комнату выглядеть меньше.

Чтобы не помешать родителям и не быть услышанной, я тихо прокралась мимо кабинета отца, но в этот самый момент дверь открылась.

– Ани! – удивленно сказал отец, а мама поспешно прошла

мимо него и, ухватив под руку, подтолкнула меня в холл с заговорщической улыбкой на губах. Меня привела в замешательство эта внезапная смена настроения. Разве она не плакала и не злилась на меня совсем недавно?

– Ты не угадаешь, кто сегодня заходил к нам. Он притворился, что пришел к твоему отцу, но я уверена, что он был здесь из-за тебя, – прошептала мама, и я сразу поняла, о ком идет речь. Джордж Михелс. Мамин новый кандидат в мужья. Впрочем, это все равно было безнадежно.

– О, и кто же это был? Неужели мистер Михелс! – воскликнула я чересчур восторженно, и мамина ухмылка пропала с лица. Если за годы, проведенные со мной в качестве дочери, она чему-то и научилась, так это распознавать иронию.

– Анимант! Веришь или нет, но этот мужчина может стать твоим, и ты будешь жить в достатке, – сказала она, неодобрительно нахмутив брови.

Я прикусила нижнюю губу, чтобы сдержать смех. Мистер Михелс был хорошим парнем, но таким же умным, как кусок хлеба, и при этом настолько неуклюжим, что регулярно запинаясь о собственные ноги.

– Он ковыряется в носу, когда ему кажется, что никто не смотрит, – сказала я, пока мы спускались на первый этаж. И я это не выдумала.

– Анимант! – возмутилась мама, а отец фыркнул, но взял себя в руки, как только мама резко посмотрела на него.

– Он хорошо выглядит и зарабатывает три тысячи фунтов в год. Не нужно быть такими язвительными, – упрекнула она нас, убрала руку и прошла последние ступеньки в одиночестве, прежде чем исчезнуть в гостиной. Края ее подюбника зашелестели, аккомпанируя гневному уходу, что должно было показать нам, насколько невежественными мы выглядели в ее глазах.

Я только пожала плечами, а отец усмехнулся. Хотя он и не считал, что юной леди подобает оставаться одинокой, все же время от времени потешался над безуспешными попытками моей мамы всеми силами заставить меня приобщиться к мужскому миру.

Он был убежден, что однажды это настигнет меня, и, как и сердце любой другой юной девушки, мое растает для какого-нибудь молодого человека, который будет искать моего общества.

Пока что мне не хватает стимула, сказал он как-то маме, на что я, стоя у печной трубы, только покачала головой. Я не могла себе представить, каким должен быть этот стимул.

Точно не деньги. Конечно, я не знаю, каково быть по-настоящему бедной, но даже без мужа мое наследство обеспечило бы меня до глубокой старости. Если только пневмония не настигнет меня раньше.

И не социальный статус. Мне не нравились общественные мероприятия, званые вечера, балы и тем более благородное позерство дворян. Меня не интересовали титулы или интри-

ги высшего общества, где я чувствовала себя не в своей тарелке.

Единственное, что оставалось для меня загадкой, — это любовь. Я читала о ней, следила за витиеватой необузданностью и пульсирующими сердцами в стихах и рассказах, но не понимала ее. Разве возможно найти человека, который являлся бы твоей родственной душой? На планете миллионы людей, и какова вероятность встретить предназначенного только тебе?

Мама утверждала, что, если захотеть, можно стать счастливой с любым мужчиной. Но, видимо, мне не очень этого хотелось, потому что я не могла представить, чтобы хоть с кем-то из ее кандидатов смогла бы притворяться заинтересованной в разговоре более получаса.

Но действительно ли дело было во мне или, может быть, все-таки в мужчинах, с которыми я встречалась до сих пор?

Молча я села в гостиной с мамой, решив, что такие умозаключения совершенно бессмысленны и никуда меня не приведут.

Поэтому раскрыла книгу о путешествии Джексона Троуга в Индию, которую купила за три пенни в книжном магазине на Гарднер-стрит. За свою цену она была довольно большой. Я была как раз на том месте, где он скопил достаточно денег для переправы и сел на небольшое торговое судно, капитан которого показался мне очень подозрительным.

– Анимант, – мама обратилась ко мне, и я моргнула, возвращаясь из истории в реальность. – Просто не могу понять. Чего ты хочешь? – Она хотела знать, а я лишь скептически подняла брови.

– Хочу почитать в тишине, мама, – ответила я, хотя и понимала, что это не тот ответ, который она хотела услышать. Ее вопрос касался моего будущего, типа мужчин, которые бы мне понравились, и занятий, которые были бы интересны. Но мне надоело обсуждать это, и в большинстве случаев я уклонялась от ее вопросов, намеренно неправильно понимая их.

Мама снова громко вздохнула, и я увидела, как ее лоб медленно краснел, пока она пыталась подавить гнев и отчаяние.

– Но что насчет завтра или послезавтра? – Она продолжила свое наступление. – Что будет в следующем году или через два года? – Ее голос звучал спокойно, но в то же время немного сдавленно. Мне даже стало ее жаль, ведь она так старалась, но все же не могла меня понять.

– Не волнуйся, мама, – ласково произнесла я и вновь вернулась к книге, ощущая гладкий и прохладный бумажный переплет. – Книги никогда не закончатся, – успокаивающе добавила я, ожидая вдоха, который обязательно должен последовать за этой фразой.

Он прозвучал громче, чем я ожидала, но был заглушен Мэри-Энн, которая позвала нас к столу.

Обед начался в тишине. Отец произнес застольную молитву и положил себе целую тарелку картофеля и тыквы. Мама надулась и демонстративно ела мало, чтобы подчеркнуть, насколько сильно ее нервы пострадали из-за моего поведения, а я прочитала о жалком состоянии каюты, в которой Джексон Троут должен был провести следующие несколько недель.

– Тебе даже за едой нужно читать? – упрекнула меня мама, и я сразу же захлопнула книгу.

– Прости, мама. Мне было любопытно узнать о развитии событий, – заявила я, выпрямив спину. Я уже достаточно разозлила ее сегодня, так что стоило проявить хотя бы чуточку смирения.

Она что-то пробормотала и отодвинула от себя тарелку, словно даже смотреть на еду было для нее чересчур, на что я молча вздохнула и взяла кусок ягненка.

Это был тот момент, когда мир погрузился в тиканье часов и каждый думал о том, что он мог сказать, чтобы положить конец гнетущей тишине.

Нас спас звонок в дверь.

– Кто это может быть? – воскликнула мама, мгновенно просияв, и подняла голову, чтобы выглянуть в коридор через полузакрытую дверь. – Ты кого-то ждешь? – обратилась она к отцу, оставляя попытки вывихнуть себе шею, так как со своего места она бы все равно никогда не увидела дверь.

– Насколько я знаю, нет, – дожевав и вытерев масло с усов, ответил отец.

Глаза мамы внезапно засветились, словно кто-то зажег свечу, и ее взгляд переместился на меня.

– А ты? – выжидательно спросила она, и я закатила глаза.

– Мама! – предостерегла я ее. – Возможно, это пришел почтальон или мистер Смит, потому что Долли снова вывихнула сустав, – сказала я, и свет в ее глазах потух из-за моих догадок, а сама она обиженно надула губы.

– Надеюсь, этого не произошло. Я запланировала поездку на море, и мне нужно запрячь Долли, потому что ее мех хорошо сочетается с моим вечерним платьем, – сразу же начала она, хотя я только предположила. В коридоре голос Мэри-Энн стал громче.

– Сэр, ваше пальто. Я прошу вас, сэр... – пыталась она уговорить кого-то, но, видимо, не получилось. Вскоре дверь распахнулась, и в комнату ворвался высокий, бородатый мужчина в мокром пальто и с цилиндром на голове. Его синий фланелевый шарф в клетку развевался из-за сквозняка. Мужчина раскинул руки.

– Сюрприз! – воскликнул он приятным голосом, и я так резко вскочила, что позади меня чуть не упал стул.

– Дядя Альфред! – взвизгнула я так, как совсем не подходит даме, и кинулась в его объятия, словно маленький ребенок.

Тут в комнату протиснулась Мэри-Энн, которая так

некстати встала на моем пути, тем самым оборвав мою спонтанную реакцию, и я осознала, что уже не ребенок и что мама убьет меня, если на моей шелковой блузке останутся капли дождя.

– Альфред! – воскликнул отец. – Какой приятный сюрприз. Что привело тебя к нам?

Дядя Альфред стянул шарф с шеи и отдал его Мэри-Энн.

– Всего парочка дел. Ничего важного, – объяснил он, расстегивая тяжелое пальто, и я поняла, что в Лондоне было холоднее, чем в деревне.

Мы, конечно, не жили в деревне. Но если сравнить наш маленький городок с таким, как Лондон, то его вполне можно назвать сельской местностью.

Дядя Альфред подал пальто бедной Мэри-Энн, которая едва не утонула под огромной кучей ткани, после чего осторожно вышла из комнаты.

– Садись. Угощайся. Мэри-Энн принесет тебе приборы, – предложила ему мама и засмеялась, хотя мы все видели, что она расстроена. Но причиной был не дядя Альфред, а только ее большие надежды, возлагаемые на гостя, который в идеале должен был оказаться брачного возраста и, конечно же, не членом семьи.

Но дядя находился в слишком хорошем настроении, чтобы заметить морщинки в уголках ее рта, и отодвинул стул рядом с моим отцом. От его тяжести филигранная мебель из красного дерева опасно скрипнула, и мама незаметно сжала

пальцы у себя на коленях. Она молча молилась, чтобы вес моего дяди не причинил вреда ее любимым стульям.

Дядю Альфреда нельзя было назвать действительно толстым. Но он был большим, как и мой отец, и от природы имел широкий крестец, как у портовых рабочих. Затем к этому прибавилось немного богатства, и он стал мужчиной крепкого телосложения. Отец, напротив, выглядел довольно худощавым. Он пошел в свою маму, в то время как брат унаследовал черты отца.

И я любила дядю Альфреда. Он был забавным и остроумным и мог бы легко стать героем романа. В детстве я впитывала с открытым ртом и широко распахнутыми глазами каждое его слово, каждую историю. Он рассказывал о других странах, городах и постройках, о людях и их культуре. Обо всем, о чем я могла только мечтать и читать.

Между тем, хоть он и остепенился, нашел жену и занял высокий пост в Лондонском Королевском университете, он не утратил прозорливости и остроумия.

– Анимант, – обратился он после того, как обменялся с мамой парой фраз о здоровье и семье, а Мэри-Энн принесла ему приборы. – Девочка, что ты читаешь? – спросил он и положил в тарелку овощи, мясо и картофель.

Я робко улыбнулась. Весь мир знал, что мне нравится читать и что я не делаю ничего другого, но очень немногие спрашивали, что я читаю в данный момент. Даже мой отец в какой-то момент перестал спрашивать меня названия, кото-

рые менялись так же быстро, как время суток.

– Дискуссию о современной математике и ее влиянии на наш взгляд на физические законы, доклад о создании фондовой биржи в Америке в 1792 году и роман о путешествии Джексона Троуга в Индию, – прочитала я названия, и дядя Альфред залился смехом.

Папа тоже засмеялся, просто потому, что ему было приятно разделить веселое настроение брата, а мама смотрела на меня так, будто я только что заявила, что могу вылечить холеру. Я не переставала улыбаться, не понимая, почему они смеются, и незаметно притянула книгу с края стола, переложив ее к себе на колени, чтобы мои пальцы могли за нее цепляться.

– Ты просто невероятна, Ани! – фыркнул дядя, и я предположила, что это был комплимент. – Я знаю не так много людей, которые так много читают, – добавил он, и на этот раз я отчетливо расслышала одобрителный тон. Я смущенно пожала плечами, потому что не могла справиться с неожиданной похвалой, и попыталась взять себя в руки, чтобы не заливаться краской.

– Я удивлена, что ты знаешь людей, которые много читают, – язвительно отреагировала мама, которой даже в моих мечтах не пришло бы в голову похвалить меня за это. Сделай она так, и я, возможно, сжалилась бы и была любезнее с выбранными ею зятями.

– Ох, например, один мужчина из Новой Зеландии читал

все, что попадалось ему под руки, а когда ничего не было, писал сам, – начал рассказывать дядя Альфред и положил вилку, полную еды, в рот. – И еще этот библиотекарь в Лондоне, который... – пробормотал он в перерыве между мясом и картошкой, и его светящиеся глаза внезапно потемнели, а над ними нависли густые брови. – Ох, этот парень! – злобно зарычал он и вцепился зубами в кусок мяса. Затем глубоко вздохнул, стряхнув с себя внезапную ярость, и постарался придать себе спокойное выражение лица.

– Все в порядке? – уточнил отец, пока разрезал третий кусок мяса, и дядя Альфред раздраженно кивнул.

– Ах, – отмахнулся он, и три пары глаз выжидательно посмотрели на него. Он пробудил наше любопытство. Дядя перевел взгляд с отца на маму и меня, а потом вновь обвел нас всех глазами. – Просто небольшие проблемы с персоналом, – сухо объяснил он и крепче сжал столовые приборы. – Которые, однако, сводят меня с ума! – энергично добавил он, и я немного забеспокоилась. Обычно мой дядя был жизнерадостным человеком, беспокойство было ему не к лицу.

– Ешь, Анимант, – шепотом приказала мне мама, я перестала цепляться за книгу на коленях и, не отрывая взгляда от дяди, взяла в руки столовые приборы.

– Он доставляет тебе неприятности? – спросил отец, а дядя Альфред фыркнул, но снова начал есть, что уже было хорошим знаком.

– Неприятности – не то слово, Чарльз, – отозвался он, по-

махав вилкой. — Узколобый бюрократишка этот библиотекарь! — выругался он, и мама вздрогнула от такого грубого выбора слов, что заставило меня улыбнуться, а лицо дяди Альфреда бледнело все больше и больше. — Вы бы видели его, — сказал он, усмехнувшись. — В этих нелепых очках для чтения, в выглаженных рубашках и с шилом в заднице. Он библиотекарь в Королевском университете, и у него столько дел, что ему нужен помощник. Но все выпускники отделения литературы, которые соглашались на эту работу, увольняются через несколько дней или же посланы им в ад. Никто не отвечает его требованиям, никто не сможет ответить его требованиям, и я скоро буду готов платить кому-то двойную плату, чтобы он остался на работе.

— Он что, такой властный? — осторожно уточнила мама, на что дядя рассмеялся.

— Нет, просто странный и помешанный на работе. Если бы я не знал, что домработница здания для персонала постоянно ругалась на его беспорядок, я бы сказал, что он даже спит на книгах. — Дядя Альфред вытер картофелем масло от тыквы и положил себе в рот. Масло потекло по его бороде, и он стал похож на уличного рабочего.

Я попыталась не думать о том, как выглядела моя комната, и наколола тыкву на вилку. Все книги, которые не помещались на полку, складывались под кровать. Можно сказать, что и я давно сплю на книгах.

Хотя... вообще-то так нельзя. В конце концов, я была мо-

лодой девушкой с жадой знаний, а не старомодным, странным, старым библиотекарем.

– Если бы руководство университета не стояло у меня над душой, это бы и не обсуждалось. Мы бы спокойно сели вместе, и я бы прочитал лекцию этому юнцу, – весело сказал дядя, а я задумалась над словом «юнец», потому что оно не соответствовало образу библиотекаря в моей голове. В моем представлении они не бывали молодыми.

– Чем я могу тебе помочь? – спросил отец, ведь готовность прийти на помощь всегда была его сильной стороной. Впрочем, если посмотреть с точки зрения моей матери, то можно посчитать эту сторону слабой, потому что из-за нее он надолго покидал дом, а мама потом либо скучала до смерти, либо, чтобы скрасить день, начинала представлять мою скорую свадьбу в мельчайших подробностях.

– Не беспокойся об этом, – ответил дядя Альфред. – Я уж найду кого-то, кто так же любит книги, как и этот ненормальный библиотекарь, – засмеялся он, вытирая салфеткой бороду.

– Анимант, например, – шепнула мне мама, и я сделала вид, что не услышала ее, потому что в этих словах был явный намек.

Но отец все прекрасно расслышал. Он глубоко вздохнул, и его глаза расширились, когда ему в голову пришла идея.

– А почему бы и нет? – спросил он, повернувшись к брату, и дядя Альфред с сомнением посмотрел на него, думая, что

отец просто шутит.

Но он не шутил. Ничто на лице отца не указывало на то, что он был несерьезен, напротив, весь его вид говорил о том, что идею он считал хорошей. На мгновение мое сердце остановилось, потому что от испуга я случайно раскусила горошину перца, спрятавшуюся в овощах. Все во рту сжалось, но я старалась внешне сохранить самообладание.

– Она, конечно, не училась в университете, но в книгах уж точно разбирается. – Отец начал объяснять свою идею, но мама не дала ему продолжить.

– Ты сошел с ума? Она молодая девушка из высшего общества, а ты предлагаешь ей идти работать? – отрезала она, и ее лоб покраснел от гнева. – Будет скандал!

– Не будет, дорогая, – попытался успокоить ее отец. – Когда она покинет дом, ей придется пользоваться своими мозгами.

– Но она будет одна в Лондоне, – продолжала мама, но дядя Альфред перебил ее.

– Она не будет одна, Шарлотта, – возразил он и с сомнением добавил: – Она будет жить со мной и Лиллиан.

Отец изумленно поднял на брата взгляд.

– Ты поддерживаешь мою идею? – удивленно спросил он, и у меня закружилась голова.

Только что всерьез заговорили о том, чтобы отправить меня в Лондон и чтобы я работала там в библиотеке? Было ли это вообще правильным?

Мысль о том, что мне придется проводить время за глупой работой вместо того, чтобы просто сидеть в своем кресле и читать, определенно не радовала меня. Но если это значит, что мне надо будет ехать в Лондон, узнать новое и хотя бы на какое-то время избежать маминых планов на мою свадьбу, то предложение было действительно заманчивым.

– Твоя дочь умна и не сдастся быстро. Она стала бы идеальной альтернативой моей предыдущей стратегии. А если все-таки ничего не получится, то я хотя бы немного позлую этого библиотекаря. – Дядя Альфред заговорщически понизил голос, и отец рассмеялся.

– Никто не будет никого злить! Особенно *меня*, – подчеркнула мама. – Она остается здесь. У нее общественные обязательства. Она не объект для опытов, который можно отвезти в Лондон и заставить работать, только чтобы посмотреть, что из этого выйдет! – Ее руки сжались в кулаки, и я ждала, что она ударит ими по столу, как аукционист своим молотком.

Раз, два, три. Продано. Анимант Крамб, за три тысячи фунтов в год молодому человеку со светлыми усами и в уродливом сиреновом жилете.

Я отогнала прочь глупые мысли, вызвавшие у меня неприятные мурашки, и положила столовые приборы обратно на тарелку.

Не сидеть же мне и не ждать до тех пор, пока мама измота-

ет меня так сильно, что я в конце концов уступлю ее настойчивости и выйду замуж, только чтобы она успокоилась. Мне эта идея пришлась не по душе, и я даже была готова немного поработать, лишь бы убежать от этого на некоторое время.

– Это ненадолго, – отозвался дядя Альфред, морщась от упрямства своей невестки. – Даже месяц длится весьма долго рядом с этим человеком.

– Нет! – воскликнула мама и демонстративно встала со стула, поцарапав им пол. – Она не поедет в Лондон! И это мое последнее слово!

Глава вторая, в которой мое кресло переехало в Лондон

Я сидела в карете и перебирала перчатки, которые держала в руках, поглаживая их гладкую кожу, чтобы успокоиться.

За окном проносились золотые поля, разноцветные деревья, листья которых уже начали опадать. Передо мной открывался сказочный осенний пейзаж, который сейчас, к сожалению, не могла оценить по достоинству.

Я направлялась в Лондон. Трудно было в это поверить. Мама не соглашалась, кричала, ругалась до тех пор, пока отец не отвел ее в сторону, а после исчез с ней и дядей Альфредом в гостиной.

Всего мгновение я просидела на стуле в столовой, пока не вскочила и не бросилась за ними, чтобы подслушать, о чем они говорят за закрытой дверью.

– Представь, какие открываются возможности. Сколько людей она там встретит, – сказал отец, но мама перебила его.

– Но Чарльз, – жалобно начала она, и я знала, какой у нее сейчас вид. Умоляющий, заискивающий, который всегда переубеждал отца.

Но в этот раз это не возымело эффекта.

– Шарлотта, званные вечера в большом Лондоне, возмож-

но, даже балы при королевском дворе. Молодые люди с титулом и славой, смекалкой и умом. Всего один месяц, дорога, и у нее закружится голова от всех знатных поклонников, между которыми ей придется выбирать.

Я испуганно вздохнула. Это предложение действительно исходило от моего отца? Когда в этом вопросе он перешел на сторону матери? Я не понимала, быть мне в ярости или в шоке.

Даже мама была поражена и не издавала ни звука.

– Вы не обязаны кому-то говорить об этом. Мы просто скажем, что она поехала к Лиллиан, чтобы та не была одна, пока мне выдалась особенно загруженная неделя. Кто будет искать скрытый смысл в том, что Анимант поехала в Лондон к своему дяде? – добавил дядя Альфред. – Да и Генри. Он будет рад увидаться с сестрой.

Я слышала, как вздохнула мама. Этот вздох был явным знаком того, что отец и дядя Альфред победили и мне разрешат поехать в Лондон.

– Один месяц! – строго повторила она. – И только если она выдержит этот месяц. В чем я сильно сомневаюсь.

Я отошла от двери, сделав пару шагов назад, и осторожно присела на нижние ступеньки.

Потому что пришло время подумать над тем, чего я действительно хочу. Хочу ли я поехать в Лондон и стать помощницей странного библиотекаря? Была ли перспектива небольшой свободы достаточной причиной, чтобы отказаться-

ся от привычной жизни и уехать в другой город?

Званные вечера не волновали меня, упоминание многочисленных собеседников, от которых я сбегала, тоже не вызывали эйфории.

Но с другой стороны, мысль о том, чтобы отказаться и остаться здесь, задевала мою гордость. Мама утверждала, что я не продержусь и месяца. Она считала, что я наивна и простодушна, потому что до сих пор мне никогда не приходилось проявлять себя, и все остальные видели во мне бедного, кроткого ребенка. Если я откажусь, у них будет полное право так думать и моя гордость будет уязвлена.

Поэтому я согласилась, наслаждаясь раздражением на лице мамы, которая втайне надеялась, что я приму решение в пользу ее званных вечеров, а не Лондона. Но на это она могла надеяться долго.

Два дня ушло на то, чтобы собрать вещи и чтобы мама осталась довольной выбором этих вещей. Дядя Альфред остановился в комнате для гостей, но днем все время проводил с отцом, и потому у меня не было возможности расспросить его о Лондоне и библиотеке.

Над нами что-то прогремело, и дядя Альфред резко проснулся.

– Что это было? – сонно спросил он, и я нервно поджала губы.

– Всего лишь мое кресло! – ответила я, и дядя покачал головой, почесывая бороду.

– Зачем тебе понадобилось тащить с собой это старье? – улыбнувшись, поинтересовался он.

– Оно принадлежит мне. И я опозорила бы всех своих предков, если бы не была немного эксцентричной, – уверенно произнесла я, и дядя Альфред громко рассмеялся.

– Ты права, Ани! Как обычно, – сказал он, и я улынулась.

В семье Крамб было много эксцентриков, и, когда я увидела семейные деревья других семей, поняла, что их было даже слишком много. Моя двоюродная бабушка питала слабость к огромным шляпам, у троюродного брата был талант рассказывать истории, но никогда не заканчивать их, а мой дед всегда утверждал, что его мать служила адмиралом на флоте.

В отличие от них я всего лишь путешествую вместе со своим креслом.

По пути мы сделали две остановки. Первый раз, чтобы пообедать в прекрасном маленьком трактире, а во второй – на пятичасовой чай.

Дядя Альфред рассказал мне о своих недавних поездках в Европу, о любви Лиллиан к немецкому хлебу и что мы прекрасно проведем время в Лондоне.

Однако, как бы я ни старалась перевести тему на библиотеку, мою новую работу или же неприятного библиотекаря, у дяди Альфреда каждый раз получалось выкрутиться, и только на восьмой раз он, наконец, сдался.

Он явно не хотел об этом рассказывать, что одновремен-

но злило меня и интриговало. Все же он пообещал позаботиться о том, чтобы завтра утром все уже было готово. И мне следовало довольствоваться этим. Пока что.

Мы приехали в Лондон вскоре после захода солнца, и я мало что могла разглядеть на темных улицах, которые слабо освещались фонарями, поскольку фонарщики еще не закончили обход. Только когда мы доехали до центра и приблизились к территории университета, улицы стали шире и светлее, и я смогла полюбоваться мрачными высокими домами, прижавшимися друг к другу так близко, словно таким образом холод не доберется до них.

Конечно, я уже бывала в Лондоне, но это первый раз, когда я приехала сюда без родителей, и, хотя воздух был не таким чистым, как в пригороде, он пах для меня свободой и бесконечным количеством новых возможностей.

Тетя Лиллиан встретила нас у двери, когда мы на затекших ногах вылезли из кареты, и, увидев меня, удивленно засмеялась.

– Анимант! – радостно воскликнула она и заключила меня в свои объятия, как только я поднялась по трем ступеням к входной двери и шагнула к ней в теплый коридор.

В Лондоне было морозно, поэтому создавалось впечатление, что здесь зима гораздо ближе, чем у нас.

– С чего такая честь? – спросила она, и от улыбки вокруг ее глаз появились морщинки. Тетя держала меня на расстоянии вытянутой руки и пристально разглядывала.

– Дядя Альфред хочет нанять меня помощницей библиотекаря, – беззаботно ответила я, и ее глаза сначала расширились, а затем в них появился гнев.

– Ты хочешь бросить ее на съедение этому чудовищу? – возмутилась она, когда ее муж вошел в дверь, и уперла худые руки в тонкую талию.

– Не волнуйся, любимая. Маленькая Ани разнесет его в пух и прах, – невозмутимо произнес он, расстегивая пальто и снимая с себя толстые слои одежды.

– Ты-ы-ы... – начала ругаться тетя Лиллиан, грозя пальцем, но затем покачала головой и только тихо вздохнула. – Ах, иди сюда, мой авантюрист! – Ее голос смягчился, она подошла к нему и упала в его медвежьи объятия.

Они были совершенно разными, и все же казались словно созданными друг для друга. Он был большим и коренастым, она – маленькой и хрупкой. У него были темные волосы и загорелая кожа, а она светилась, как ангел, с белокурыми волосами и кожей такой же светлой, как мрамор.

Только чувство юмора у них совпадало, и это, вероятно, было причиной, по которой они так хорошо понимали друг друга.

Я расстегнула свое пальто и подала его молчаливому пожилому господину, который протянул руку за моей одеждой. Мы обменялись вежливыми кивками, и тогда я снова обратила свое внимание на тетю.

– Еда уже готова, Альфред, – сказала она и многозначи-

тельно приподняла брови, – и гость, который настаивает на том, чтобы переговорить с тобой сегодня, – улыбнувшись, добавила она.

– Гость, ого, – сказал дядя Альфред, и тетя Лиллиан игриво ткнула его в бок.

– Вы голодны? – теперь тетя обратила внимание и на меня. Теперь, когда мы, наконец, приехали, я почувствовала усталость в теле и пустоту в желудке. Кроме того, я бы никогда не сказала «нет» хорошей еде.

Столовая по размеру уступала нашей. Да и остальные комнаты тоже, но это было связано не с недостатком денег у моего дяди, а с недостатком места на улицах Лондона.

Тетя шла впереди, я следом, а дядя перемолвился еще парой слов с дворецким, чтобы он позаботился о нашем багаже.

Я так проголодалась, что мне не хотелось тратить время еще и на переодевание, и моя тетя, казалось, не видела в этом никаких проблем. С ней и моим дядей все было более неприужденно, чем дома с родителями. Мама тут же заставила бы меня подняться наверх и надеть что-то миловидное, если бы имелась хоть малейшая надежда, что нам нанесет визит молодой неженатый мужчина.

И это действительно так. Неожиданно я встретила взглядом с парой медовых глаз, и мне пришлось постараться, чтобы объемное платье моей тети не подтолкнуло меня в объятия этого мужчины. Тем не менее я все равно споткну-

лась и схватилась за столик, чтобы восстановить равновесие.

– Простите, – пробормотала я, игнорируя руку мужчины, которую он с готовностью протянул, чтобы поймать меня, если это потребуется.

– Ничего страшного, – ответил он мне тихим, но твердым голосом, и я взглянула на него, как испуганный кролик.

Мужчина, стоящий передо мной, был молод, слегка за двадцать, с темно-русыми волосами средней длины, что придавало ему дерзкий вид. Черты его лица были ровными, челюсть – угловатой, а губы привлекали внимание, хотя я не могла сказать почему.

Тяжелые шаги дяди по паркету оторвали меня от созерцания незнакомца и вернули к действительности. Мне удалось вынести в голове неожиданную для себя окончательную оценку внешности этого молодого человека: он выглядел слишком хорошо, чтобы не впечатлить меня хотя бы немного.

– Уинстон! – воскликнул дядя с широкой улыбкой. – Друг мой, я думал, ты уже на полпути в Глазго.

Собеседник тоже улыбнулся и сделал шаг вперед, чтобы пожать руку моему дяде.

– Уезжаю только завтра утром, Альфред. Поэтому я позволил себе побеспокоить тебя в этот час.

– А-а, – отмахнулся дядя Альфред, и тут до него дошло, что я по-прежнему стою рядом с двумя мужчинами, прижатая к стене.

– Ох, точно, – начал дядя, отступив в сторону, чтобы у меня и моей юбки было больше места. – Ани, позволь представить тебе этого молодого человека. Уинстон Бойль, новый юрисконсульт моего отдела. – При этих словах вышеупомянутый мистер Бойль вежливо кивнул, лукаво улыбнувшись уголком рта. – Уинстон, это моя племянница Анимант Крамб. Она приехала со мной в Лондон, чтобы стать помощницей библиотекаря.

При этих словах улыбка мистера Бойля сползла с его лица, и он удивленно поднял брови.

– Как? В этой библиотеке? С мистером Ридом? – растерянно спросил он, и я постепенно начала волноваться.

– Насколько страшным должен быть этот человек, что все так испуганно реагируют, когда речь заходит о нем? – как можно беззаботнее спросила я и мягко улыбнулась, чтобы не выдать своих чувств. Если бы я не воспринимала все это с юмором, то в итоге, возможно, и испугалась бы, но решила не позволять себя запугивать. Маму только обрадуется, если я брошу все и приползу обратно домой. Но я не доставлю ей такого удовольствия.

– Он не страшный, – поспешил успокоить меня мистер Бойль и, увидев мою улыбку, тоже вновь улыбнулся. – Скорее... сложный.

Я подняла одну бровь, слегка наклонила голову и решила воспользоваться возможностью выудить все из красавца мистера Бойля.

Если никто другой не хочет отвечать на мои вопросы, то придется это сделать ему.

– Сначала садись и поешь, – мягким голосом прервала мои мысли тетя Лиллиан и протянула мне руку, чтобы я села рядом с ней. – Вы все еще можете говорить за столом.

Я улыбнулась ей, хотя и вздохнула про себя, приподняла подол юбки и прошла между дядей Альфредом и мистером Бойлем, которые охотно освободили мне путь.

Моя мама никогда бы не прервала меня, если бы я беседовала с симпатичным молодым человеком. Но такова была жизнь, на каждую ситуацию найдется исключение.

Мы сели за стол, дядя Альфред произнес застольную молитву, и тучная женщина в кружевном чепчике принесла миску с густым рагу, разложив его нам по тарелкам.

Как только я взяла ложку, сразу же обратилась к мистеру Бойлю.

– Мистер Бойль, – тихим голосом произнесла я, высоко подняв голову, но при этом не задирая подбородок, как постоянно говорила делать мне мама при разговоре с молодыми людьми. – Я права, полагая, что вы лично знаете этого мистера Рида? – прямо спросила я, и мистер Бойль, жуя, кивнул.

– Так и есть, мисс Крамб, – очаровательно ответил он, и его необычные губы изогнулись в легкой усмешке. – Если проводить столько же времени в библиотеке, сколько и я, то нельзя не встретиться с этим господином лично.

Я придвинулась к краю стула, чтобы внимательнее слушать и показать свой интерес к этой теме.

– Мой дядя убедил меня попытаться счастья в работе, но до сих пор скрывал все, что кажется мне важным в этом отношении. Наверное, вам придется простить меня за то, что я так открыто проявляю свое любопытство, – сказала я, и мистер Бойль рассмеялся, заразив этим смехом и меня.

Он оперся локтями о край стола и тоже наклонился ко мне.

– Я с радостью отвечу вам на все вопросы, которые в состоянии осветить, – заговорщически заверил он меня, а затем поднял взгляд на дядю Альфреда, словно ему пришло в голову, что не стоит давать обещания, которые, возможно, не удастся выполнить. – Если это понравится вашему дяде, – быстро добавил он, и его голос стал рассудительным.

Дядя Альфред шумно вздохнул и положил себе в рот полную рагу ложку, что задержало его ответ, и я еще больше напряглась от этой пытки.

– Говори, – наконец резко сказал он. – Пожалуйста. Тогда мне не придется обсуждать этого человека. Знаете, это плохо для моего сердца, – заявил он, и я не могла поверить ему, потому что тетя Лиллиан в этот момент начала ухмыляться, с трудом сдерживая смех.

Впрочем, мне и в голову не могло прийти, какие причины на самом деле были у дяди Альфреда, если он позволял мне утолить свое любопытство таким способом.

Медовые глаза мистера Бойля выжидательно обратились ко мне, и я с трудом сумела выбрать, какой из множества вопросов хотела задать первым.

– Мой дядя дал понять, что не может найти помощника мистеру Риду. Как вы думаете почему? – Я начала с малого, вспомнив, что была когда-то голодна, и опустила ложку в горячее рагу, пахнущее картофелем, курицей и специями.

– Хм-м, вот в чем дело, – сказал мистер Бойль, на полпути задержал свою ложку в воздухе и, собираясь с мыслями, наморщил лоб. – Я бы сказал, что это из-за требований, которые он предъявляет людям и которые никто не может удовлетворить.

– И какие же они? – выпалила я, когда мистер Бойль поднес ложку ко рту.

– Он не тратит время на то, чтобы обучить людей. Он любит отдыхать, иногда днем просто исчезает, не сказав куда, и ожидает, что вы справитесь с поставленными задачами, не получив от него инструкции. Я бы сказал, что он плохой учитель, но, несмотря на это, в результате ждет совершенства, – пояснил он, и тут ему пришло в голову еще кое-что. – О! – Его рот изогнулся в легкой улыбке. – И он не любит, когда кто-то не воспринимает его работу всерьез. Для человека, который ставит на первое место удовольствие, а не работу, нет у Рида ни единого шанса.

Это достаточно большое количество качеств, указывающих на странного, жесткого человека, рядом с которым при-

дется приложить усилия. На случай, если мне представится возможность продержаться достаточно долго, чтобы вообще на это решиться.

По мнению мистера Бойля, если я окажусь в библиотеке и совершу ошибку, то меня сразу вышвырнут оттуда. Я никогда не работала в библиотеке.

О чем я думала? Я вообще никогда не работала! У меня нет образования, не было занятий по литературе и никакого опыта помощником библиотекаря.

Но у меня были сильные стороны, которые являются моим преимуществом. Я ориентируюсь в библиотеках. Не конкретно в этой, но я видела многие, и система всегда схожа. Я могу быстро читать, логична и старательна.

Но прежде всего я упряма.

В случае чего мистер Рид сломает о меня зубы. Если окажется, что мое решение продиктовано только упрямством и противостоянием матери, я все равно не сдамся!

Это решение укрепило меня, придало мне решимости, хотя слова мистера Бойля на самом деле должны были вогнать меня в уныние.

– Откуда вы знаете о запрете удовольствий? – спросила я.

– Это не запрет, мисс Крамб. Просто ему не нравится, когда человек предпочитает балы и званые вечера работе и появляется по утрам невыспавшимся, – пояснил он, и я не могла поверить, что показалась ему таким человеком, который любит балы и спать по утрам.

– И, отвечая на ваш вопрос. Мои близкие знакомые, те, кто попал в рабство к этому человеку, сбежали оттуда, – сказал он и рассмеялся, потому что посчитал это смешным, в отличие от меня. – Но в защиту мистера Рида стоит сказать, что все эти знакомые были абсолютными бездельниками и на самом деле это заслужили.

В этом крылась шутка, и я мягко улыбнулась, так же как и мистер Бойль.

Я думала, что ответы на мои вопросы прольют немного света. Но на деле они лишь отбросили на стены новые тени, среди которых стало даже тяжелее ориентироваться, чем в ранней темноте.

Полная картина не складывалась, и это только подстегнуло мое любопытство.

– Но, чтобы не быть несправедливым к пресловутому мистеру Риду, я готов перечислить и пару его положительных качеств, – снисходительно произнес мистер Бойль, и дядя Альфред фыркнул. У него, казалось, было совершенно другое мнение, поэтому я поднесла руку ко рту, чтобы он не увидел моего смеха.

Но мистер Бойль не заметил этого, его глаза так обворожительно блеснули, что я не могла понять, откуда взялась эта симпатия, к нему после такого короткого знакомства.

Возможно, дело в красивом лице или стильной одежде. Но у других тоже было и то и другое, и у них не получалось привлечь мое внимание.

Я улыбнулась сама себе, осознав причину: он до сих пор не сказал ничего глупого.

Мистер Бойль взял еще одну ложку рагу и продолжил свои размышления.

– Мистер Рид открыт для нового и неординарен, это можно воспринимать как его сильные качества. Он любознателен, имеет мнение по практически каждой теме или хотя бы знает книгу, на которую может сослаться, и мне нравится его стремление к прогрессу.

Я слегка кивнула и замолчала, обдумывая и пытаюсь соединить все это в один образ.

– Я помог вам, мисс Крамб? – немного неуверенно спросил вдруг мистер Бойль, и я подняла на него взгляд, стараясь вновь улыбнуться.

– Конечно, мистер Бойль. Вы очень сильно мне помогли. Но, должна признаться, я все же не во всем разобралась.

– Пожалуй, вам стоит подождать встречи с ним, – рассмеялся мистер Бойль, и в его голосе была какая-то уверенность, которая убедила меня в том, что это будет интересная встреча.

После еды дядя Альфред отвел мистера Бойля в кабинет, чтобы обсудить какие-то соглашения. Однако я не успела узнать какие, потому что тетя Лиллиан поймала меня за подслушиванием, и мы разместились с ней перед камином в гостиной. Она выслушала мои истории о родителях и поездке,

а затем рассказала мне о захватывающих вещах, которыми она хочет заняться со мной в Лондоне.

Я не сказала ей, что завтра иду на работу и, возможно, у меня не будет большого количества времени на экстравагантные мероприятия, и вместо этого только улыбалась, позволив ей с восхищением перечислять достопримечательности Лондона. Мужчины присоединились к нам уже довольно поздно, и было очевидно, что мистер Бойль в скором времени покинет дом.

– Как долго вы собираетесь пробыть в Лондоне, мисс Крамб? – спросил он, и я почувствовала себя польщенной от всех знаков внимания, которые он оказывал.

Мистер Бойль приблизился к дивану, на котором я сидела, и его взгляд остановился на мне. Веселый и серьезный одновременно.

Я не знала, как реагировать. Его взгляд смущал меня, потому что мне было приятно и в то же время не по себе при мысли, что под этим вопросом кроется стремление снова меня увидеть.

– Ох, даже не знаю, – неуверенно отозвалась я, думая о том, что мама настояла, чтобы мое пребывание здесь длилось не больше месяца. Но кто мог так точно это предсказать?

Дядя Альфред ухмыльнулся.

– Не беспокойся, вы еще встретитесь, – сказал он хриплым голосом, и его тон мне не понравился. Словно он пытался

нас свести.

Тетя Лиллиан была не лучше.

– Через шесть дней у Кентов состоится званый вечер, – вмещалась она, поднимаясь с кресла, стоящего напротив моего, и улыбнулась мистеру Бойлю. Он улыбнулся в ответ, но его взгляд все еще блуждал по мне. Он, казалось, ожидал от меня какого-то подтверждения, но я не могла дать ему ответ, так как не понимала его намерений.

– Анимант обязательно придет, – пообещала тетя Лиллиан вместо меня и тоже выжидательно обратила на меня свой взгляд.

Неуверенно положив руку на подлокотник кресла, я поднялась на ноги. Когда все в комнате стоят, невежливо продолжать сидеть.

Я была в растерянности, в то время как та часть моего разума, которая мыслила аналитически, нашла несоответствие в словах моей тети.

– Минуту. Через шесть дней? Разве дядя не сказал, что вы едете в Глазго? Какая карета сможет доехать до Шотландии и вернуться обратно за шесть дней? – выпалила я громче, чем хотела, и, несмотря на грубость, которую я себе позволила, мистер Бойль рассмеялся.

– Никакая, мисс Крамб, тут вы правы. Но дирижабль вполне справится с этим, – ответил он, и его взгляд изменился. Невольно я сменила тему и сразу почувствовала, что на сердце стало немного легче. Как будто неприятное давление,

которое все присутствующие оказывали на меня, исчезло.

Мои глаза расширились, когда до меня дошли его слова. Я не могла в это поверить.

– Дирижабль? – удивленно спросила я и подошла ближе к мистеру Бойлю. – Я читала о них, но никогда не видела своими глазами.

– И что же вы читали? – поинтересовался он, и на меня нахлынула небольшая волна эйфории. Ни один мужчина моего возраста не спрашивал меня об этом.

– Трактат Луи Сандерса «О воздухоплавании» и «От строительства до полета» братьев Тилл, – ответила я и сразу вспомнила третью книгу, которая содержала подробные описания полетов на дирижабле, но, конечно, не считалась научно-популярной книгой. – И «Путешествие Клэр на Луну». – Я все же упомянула ее и стала ждать реакции мистера Бойля, надеясь, что не перестаралась. Если он не знает ни одной из этих книг, то посчитает себя невеждой. И впервые в жизни мне не хотелось, чтобы в моем присутствии мужчина чувствовал себя оскорбленным.

– Изумительно специализированная литература, – заметил мистер Бойль, а затем лукаво усмехнулся. – Особенно последнее, – снова улыбнулся он, и я недовольно скривила губы.

Мне совсем не нравилось, когда надо мной подшучивали из-за книг, которые я читала.

– Как вам конец? – спросил, однако, мистер Бойль, и я

быстро пришла в себя. – Роберт выбирает Клэр и бросает ради нее полеты. Романтическая литература, подходящая, по моему мнению, молодым девушкам, – заметил он, на что я изумленно моргнула.

– Вы читали эту книгу? – поинтересовалась я, хотя это и было очевидным. Ведь он знал конец.

– Да. Так и? – вернулся он к своему вопросу, и я покачала головой.

Я точно помню, как прочитала заключение, а потом растерянно и сердито отбросила книгу на ночной столик.

– Вынуждена вас разочаровать. Мне кажется, конец ужасен, – ответила я, и теперь в изумлении от моих слов был мистер Бойль. – Женщина, которая требует от любимого отказаться от самого важного в жизни, не может любить его по-настоящему! – возмутилась я, видя, как рядом со мной тетя Лиллиан кривится в усмешке.

– Поистине необычное мнение для юной девушки, – отметил мистер Бойль, и я не вполне поняла, что именно он имел в виду. Я знала молодых девушек из своего маленького городка, и все они думали только о красивых платьях, любовных письмах, розах и другой романтической мишуре.

– Она говорит это только потому, что ничего не знает о любви, – вдруг заявила тетя Лиллиан, и ее слова ранили меня, хотя на самом деле я понимала, что она не хотела этого.

– Я читала о любви, – выдавила я из себя и скривилась, чтобы это не прозвучало слишком резко.

– Дорогая, – сказала тетя Лиллиан, мягко положив руку мне на плечо. – Иногда просто читать недостаточно.

3

Глава третья, в которой я потеряю свое сердце

Утром было так холодно, что морозный воздух задувал под кринолин¹ и сковывал ноги, хотя я и надела длинные шерстяные чулки.

Небо затянули тучи, и оно оставалось таким же темным, даже когда взошло солнце.

После утреннего туалета тетя Лиллиан помогла мне одеться, потому что из-за нервов у меня дрожали пальцы, и я вряд ли смогла бы застегнуть хотя бы одну пуговицу. Мой выбор пал на простую хлопковую кремовую блузу и темную клетчатую шерстяную юбку. И то и другое маме не понравилось бы, потому что, по ее мнению, наряд выглядел скучным и лишенным жизни. Хотя, мне кажется, она просто боялась, что мой слишком строгий вид отпугнет молодых людей, привыкших к веселой пестроте дам поместного дворянства.

Я чувствовала себя очень комфортно в этой одежде, комфортнее, чем в туго затянутых рюшах, и обрадовалась, когда тетя Лиллиан, посмотрев на меня, сказала, что я выгляжу более взрослой и зрелой. Затем она заколола мне волосы и

---

¹ *Кринолин* – жесткая структура, предназначенная для придания юбке требуемой формы.

протянула тонкие жемчужные серьги.

И, хотя я чувствовала, что одета соответствующе, в голове был беспорядок, в животе тянуло, а сердце рвалось наружу.

Дядя Альфред шел рядом со мной, он предложил мне руку, чтобы я могла держаться за него, и я была рада этой поддержке.

Мощеная дорога сначала недолго тянулась вниз по улице от дома дяди Альфреда, а затем через кованые ворота сворачивала в парк, который был частью университетского городка.

Дядя указал на несколько больших, величественных зданий из ржаво-красного и темно-серого камня и назвал их, а у меня чуть глаза не вылезли из орбит от чрезмерного изумления.

Последний раз я была здесь так давно. Тогда я прочитала «Оливера Твиста»², а затем провела остаток нашего пребывания в Лондоне, высматривая беспризорников. К библиотеке мы даже близко не подходили, так как родители опасались, что потеряют меня там и никогда больше не найдут.

Парк, по которому мы шли, был огромным, пронизанным яркими вымощенными дорожками, вдоль которых росли старые платаны, сбросившие уже почти все листья. Окруженный зеленью университет величественно стоял под пас-

---

² «Приключения Оливера Твиста» (Oliver Twist; or, the Parish Boy's Progress; The Adventures of Oliver Twist) – второй роман Чарльза Диккенса. Героем романа стал юный сирота Оливер, который сбегает из приюта и одно время болтается по улицам Лондона.

мурным небом. Пышные здания с узкими колоннами, башенками и серебряными зубцами, типичными для Лондона. Сотни узких окон, большие деревянные ворота – все это излучало такую атмосферу, что я испытывала благоговение перед хранящимися здесь знаниями, о которых имела лишь небольшое представление.

Между домами толпилось много молодых людей. Было еще рано, но они уже шли в университет. На утренние лекции, в кафетерий, который находился справа от нас, или в учебные группы, которые встречались по всему кампусу и в кафе.

Библиотека располагалась в самом центре, и я благоговейно втянула воздух, когда мы шли по дорожке к главному входу.

Красивый фасад возвышался надо мной, нависая сверху, заставляя почувствовать, насколько маленькой я была.

Страх, который до этого мне более-менее удавалось подавлять, заполз в живот вместе с утренним морозом и поселил внутри чувство дискомфорта.

Я не имела понятия, как много книг находится в этом здании. Как мне могло даже подуматься, что я обладаю хотя бы малейшим представлением о всей литературе в мире?

Дядя Альфред ласково похлопал меня по плечу, по-отечески улыбнулся, а затем отпустил мою руку, чтобы открыть тяжелую дверь.

Я задержала дыхание, стараясь сохранить самообладание,

и, высоко подняв голову и расправив плечи, вошла в здание.

Тишина окружила меня, когда дядя закрыл дверь, оставляя позади все внешние звуки. Ветер, шумевший в деревьях, карканье ворон, стук далеко проезжающих карет. Здесь, внутри, стояла такая тишина, что можно было услышать, как пролетает муха.

Гулкие шаги дяди эхом разнеслись по холлу, и я быстро пошла следом за ним.

Стоило мне поднять взгляд, как мое сердце замерло, я не могла поверить своим глазам. Вестибюль был просторным, бо́льшую его часть в центре занимала полукруглая кафедра выдачи из черно-коричневого дерева, за которой тихо работали два молодых человека.

За вестибюлем располагался круглый зал размером с театр, со стеклянным куполом в качестве крыши. И, хотя бесконечные резные украшения и золотые узоры наверняка были достойны внимания, мое принадлежало только книгам.

Стеллажи тянулись вдоль всей стены и изгибались, образуя ниши, разделявшие отдельные предметные зоны. Они были такими высокими, что приходилось использовать длинную лестницу, чтобы добраться до четвертой или пятой полки. Две лестницы вели к широкому круглому проходу, где все это продолжалось.

Книги над книгами, страницы, слова, запах бумаги и пыли, витающий в воздухе. Я поняла, что мое сердце отныне принадлежит этому месту.

Я даже не заметила, как шагнула вперед, пока чуть не столкнулась со студентом, который несколько неуклюже маневрировал со стопкой книг к своему месту.

– Извините, – пробормотала я слишком громко для этого царства спокойствия и знаний.

Юноша только кивнул мне и сел за один из многочисленных столов, расставленных в круглом зале. Другие тоже сидели здесь, склонившись над толстыми кодексами, словарями, иностранной литературой, чертежами, и читали, писали, учили.

Будь я мужчиной, то давно сидела бы здесь и училась, впитывая в себя все знания. Как мой брат Генри. Но я не женщина, и, несмотря на то, что на другом конце Лондона с недавних пор появился небольшой университет для женщин, учеба для них по-прежнему оставалась не особенно уважаемым занятием. Я читала, что выбор учебных предметов был весьма ограниченным, и не нашла ничего, что могло бы действительно заинтересовать меня.

Генри утверждал, что университет для женщин – шутка, и должно пройти еще много лет, прежде чем что-то изменится в этом отношении.

Я вытянула шею, переводя взгляд с одного студента на другого и пытаюсь разглядеть среди них своего брата. Но его здесь не было.

Дядя Альфред слегка кашлянул рядом со мной, заставив меня вздрогнуть. Я совсем забыла, по какой причине мы сю-

да пришли. По правде говоря, все отошло на второй план, когда я увидела книги. Даже мой страх перед тем, что мне предстояло, уступил место бабочкам в животе.

– А вот и он, – шепнул дядя, и я посмотрела в ту сторону, куда он бегло указал.

Даже без этого жеста я бы сразу поняла, что мужчина, спускающийся по лестнице, был не кем иным, как библио-текарем.

Он разительно отличался от сгорбленных студентов с дымящимися головами. Поразительно высокий, худощавый, с прямой спиной, темноволосый и гладко выбрит. На нем был простой темно-коричневый костюм, а на кончик носа сползли очки. Ему не дать больше тридцати лет, что объясняло, почему мой дядя назвал его юнцом. Он был совсем молод для этой руководящей должности. Мужчина шагал почти беззвучно, уткнувшись носом в книгу, но его ноги так уверенно ступали по широкой лестнице, словно он совершал это уже сотни раз.

Трудно сказать, какое первое впечатление он произвел на меня. Я ожидала чего-то другого, и тем не менее он идеально вписывался в это место.

– Мистер Рид, – произнес дядя Альфред, и тот медленно оторвался от строк своей книги.

Когда он узнал в человеке, обратившемся к нему, моего дядю, я заметила, как он вздохнул, закатил глаза, но быстро прервал себя, чтобы это не было так заметно. Но я все же

заметила.

— Мистер Крамб. Не ожидал, что вы так скоро вернетесь, — сказал он вежливо и вместе с тем удивленно. Его голос не соответствовал мягкому выражению лица, а выдавал напряжение и раздражение. Так же, как и у моего дяди, когда он говорил о мистере Риде. В прошлом они оба явно действовали друг другу на нервы.

— Нет? Как странно. Когда мы оба ищем одно и то же решение проблемы, — весело ответил дядя, и я услышала легкую иронию в его словах, из-за чего мне пришлось подавить смешок. — Позвольте представить, — продолжил он, положив руку мне на спину, чтобы я сделала шаг вперед. — Анимант Крамб, дочь моего брата. Выдающаяся молодая девушка, прозорливая и остроумная. Она порядочна, вежлива, и я вряд ли знаю кого-то, кто прочитал столько же книг, сколько она. Я думаю, даже вы не сможете с ней в этом сравниться. — Дядя продолжал петь мне дифирамбы, и на мгновение меня начал раздражать его выбор слов. Почему он рассказывал ему все это?

Мистер Рид снял очки, сложил их и повесил за одну дужку на вырез просто расшитого жилета. Он скептически перевел взгляд с дяди на меня, потому что тоже не понимал, к чему клонит дядя.

— И я подумал, что она будет твоей новой помощницей, — воскликнул дядя Альфред немного громко для этой святыни, и некоторые студенты повернули к нам головы. Но оче-

видно, все это доставляло ему слишком много удовольствия, чтобы обратить на это внимание. Он смотрел только на лицо мистера Рида, который бледнел на глазах, лишь чтобы через несколько секунд побагроветь.

– На. Пару. Слов! – прошипел мистер Рид, развернулся на каблуках и, как фельдмаршал, направился к лестнице, по которой только что спустился.

На губах дяди Альфреда появилась дьявольская усмешка, стоило библиотекарю отвернуться, и он широкими шагами последовал за ним.

Я понятия не имела, что мне делать, и просто осталась стоять на месте, пока мужчины уходили, но заметила, что сидящие вокруг студенты смотрели на меня как на белую ворону. Со стороны дяди и мистера Рида было невежливо просто оставить меня здесь, и я решительно приподняла юбку, чтобы пойти за ними.

Достигнув верхней ступеньки, я увидела, как они исчезли за дверью. Поскольку наверху никого не было, а студенты снизу не могли меня видеть, я подошла к самым стеллажам и побежала к закрытой двери так тихо, как только могла, и, стараясь успокоить учащенное дыхание, приложила к ней ухо.

– Вы ведь несерьезно! – четко услышала я мистера Рида, он был явно раздражен.

– Совершенно серьезно. За последний месяц вы отстранили, выгнали или уволили двадцать четыре помощника. С

меня достаточно! — сказал дядя не менее раздраженно, а я схватилась за полку, чтобы вдохнуть недостающий из-за корсета воздух и продолжить подслушивать.

— Она женщина, мистер Крамб. И без образования. Как вы думаете, в чем будет заключаться ее работа? Приносить чай? — язвительно воскликнул библиотекарь, и я вздрогнула. Мне было неприятно услышать такие слова. Конечно, я прекрасно понимала, что никогда не займу то же положение, которое мог бы занять мужчина, но его уверенность в моей бесполезности только из-за принадлежности к женскому полу меня разозлила.

— Она амбициозна и умна, и вполне сможет выполнять задачи, которые вы ей поручите, — стал защищать меня дядя, и его голос снова стал спокойнее. — Кроме того, у вас нет выбора, мистер Рид. Или она проработает тут месяц, или я порекомендую совету финансов прекратить выделять деньги на вашу занятную машину.

Мистер Рид молчал, и я задержала дыхание от напряжения. Дядя практически шантажировал этого человека, что мне не понравилось. Я была не настолько бесцеремонна, чтобы получить работу такой ценой.

— Кроме того, она моя племянница. Значит, вы будете относиться к ней внимательнее, — добавил дядя Альфред, и это, казалось, вернуло мистера Рида в чувство.

— Ладно. Как пожелаете. Но если все это станет слишком утомительным для леди, я буду последним, кто помешает ей

уехать, – проворчал он, и я едва смогла расслышать слова, потому что его голос заглушал шорох бумаги. – Она будет жить в доме для персонала? – насмешливо спросил он, на что дядя Альфред фыркнул.

– Конечно нет. Не смешите меня. Она будет жить со мной и моей женой.

– Тогда все понятно. Хорошего вам дня, и надеюсь еще долго с вами не увидеться, – недовольно произнес мистер Рид, и я чуть не задохнулась от такой грубости, хотя его голос снова приобрел более приятные нотки.

– До свидания, мистер Рид. Желаю вам того же, – ответил на его наглое высказывание дядя.

Как подслушивающий с многолетним стажем, я знала, когда разговор действительно закончился, поэтому сделала несколько торопливых шагов от двери и подошла к балюстраде, чтобы сделать вид, что оглядываю окрестности.

Позади меня резко распахнулась дверь, и я услышала тяжелые шаги дяди. Когда он положил руку мне на плечо, я повернулась к нему и придала лицу вопросительное выражение, это должно было выглядеть так, будто я не имею ни малейшего представления о том, что будет дальше.

– Что ж, формальности улажены, – сообщил он мне, выдавив улыбку, которая выглядела фальшиво. Я улыбнулась в ответ и ободряюще похлопала его по руке.

– Тогда мне можно начинать? – спросила я решительным голосом и перевела взгляд с него на мистера Рида, который

резко взглянул на меня поверх очков. Он, вероятно, снова надел их во время разговора в кабинете.

– Кажется, что так, – ответил он, расправив плечи. – Поскольку ваш дядя наверняка торопится заняться другими своими делами, – резко сказал он, взглянув на дядю Альфреда краем глаза, – я покажу вам место, где можно снять пальто, и тогда у вас будет полчаса, чтобы ознакомиться с системой. Потому что, к моему сожалению, в моем сегодняшнем расписании не был предусмотрен найм помощника, мисс Крамб. – Его голос все еще не смягчился, и я слегка покачала головой. Мне постепенно становилось понятно, что такого ужасного все в нем находили. Он действительно был грубым и заставлял других чувствовать себя глупыми и бесполезными.

Дядя Альфред громко фыркнул, а я продолжала невозмутимо улыбаться, как будто не заметила ни весьма явного выдворения дяди, ни пренебрежительного отношения к моему присутствию. Потому что так ведет себя настоящая леди. Она выше таких вещей и, прежде всего, выше оскорблений.

– Мистер Рид, – коротко попрощался дядя Альфред и повел меня вдоль перил круглого прохода, прежде чем наклониться ко мне. – Ты справишься, Ани. Покажи этой конторской крысе, – прошептал он мне, и я рассмеялась от его слов.

Даже у моего дяди в уголках рта появилась усмешка. Он кивнул мне, еще раз коротко сжал руку, которая по-прежнему покоилась на моем плече, и шагнул к лестнице. Послед-

ний раз взглянул на меня, слишком обеспокоенно, на мой взгляд, а потом исчез.

Мистер Рид снова уткнулся в книгу, которую уже держал в руках, и не поднимал глаз, пока я не оказалась прямо перед ним.

– Пальто, – сказала я как можно дружелюбнее, и он дважды моргнул, словно забыл о моем присутствии.

– Да, конечно, – отреагировал он, но я не смогла правильно истолковать эмоции в его глазах.

Он проводил меня до двери рядом с его кабинетом, и мы вошли в узкую каморку. Внутри находились небольшой, грубо обработанный стол, два стула, куча хлама, небольшая заставленная полка, вешалка для верхней одежды и вторая дверь, которая вела в заднюю часть здания.

Без напоминания я сняла перчатки, положила их на полку, расстегнула пальто и повесила его на вешалку в виде латунного крючка.

Я не ждала, что мистер Рид поможет мне раздеться, и сам он тоже не предложил свою помощь.

– Вы когда-нибудь бывали в этой библиотеке? – прямо спросил мистер Рид, на что я поджала губы.

– Нет, – нехотя призналась я. Это звучало так, будто в моих руках никогда не было книги, к тому же меня раздражал пренебрежительный взгляд моего собеседника. – В этой – нет, – добавила я, но это оставило библиотекаря равнодушным, если он вообще меня слушал.

– Тогда предлагаю вам немного осмотреться, пока я не закончу, а потом озвучу вам ваши задачи, – объяснил он мне, словно ребенку, которого отправил пособирать кубики, пока сам будет выполнять важную работу. Потом он просто развернулся и, не говоря ни слова, вернулся в свой кабинет, дверь которого закрыл за собой, словно хотел снова забыть обо мне.

Я еще плотнее сжала губы, чтобы не взвыть от такой наглости.

Дядя Альфред нанял меня на один месяц. Один месяц дала мне мама.

Один месяц, сказала я себе. Один месяц с этим мужчиной. Я должна как-то с этим справиться.

4

Глава четвертая, в которой я научилась ненавидеть мистера Рида

Я поправила одежду и продолжала твердить себе, что все только наполовину так плохо, а моя гордость сильнее, чем несколько грубых слов этого человека.

Я аккуратно расправила юбку, осмотрела прическу и поправила брошь на блузе, которая была приколта чуть ниже впадинки на шее. После этого мысленно подготовилась и вышла из каморки в кольцевой проход.

Если пройти по нему, то можно сделать круг. Стены так высоко были заставлены книгами, что у меня закружилась голова. Что, впрочем, могло быть связано и с эйфорией, которую вызывало такое количество книг.

Дверь напротив вела в длинный коридор, также заставленный стеллажами, конец которого мне был не виден.

Я медленно и внимательно шла по кругу, наслаждаясь тишиной и атмосферой. Торопливо пытаюсь запомнить распределение отдельных тематических разделов, я разглядывала маленькие металлические таблички, прикрепленные к корешку каждой книги, на них были высечены сокращенно

название раздела, место нахождения и автор. Мне понравилось, что система деления по темам была шаблонной и логически понятной.

Я снова спустилась вниз по другой из двух лестниц, и мне понравилось, как при этом покачулся мой узкий кринолин. Как я заметила, мистер Рид не был обходительным человеком. Но мрачное настроение отступило на второй план, когда мое сердце забилося быстрее, настолько очаровало меня это место.

Я всегда любила библиотеки. Тем не менее в нашем доме в тихом городке вместо библиотеки располагался салон для завтрака. Эти же великолепные залы словно были созданы для меня, и я была готова остаться здесь навсегда. Даже с этим недружелюбным библиотекарем.

Я глубоко вдохнула окружающий меня мир: кислую резкость беленой бумаги, затхлость книг, свежие чернила, дубленую кожу, металлическую фурнитуру, пыль, старое и новое золото, свет, проникающий через огромный стеклянный купол, превращающий круглый зал в мерцающий серый дворец неизведанных знаний.

Внизу стены также были заставлены книгами, здесь была точно такая же система. Я вытащила из кармана юбки маленький блокнот и карандаш и нарисовала схему расположения разделов. Хотя в ней и прослеживалась определенная логика, я все равно не смогла бы запомнить все сразу.

И справа, и слева, как и наверху, высокие двери вели в ши-

рокие, заставленные книгами коридоры, которые ускользнули от моего внимания, когда я только вошла.

Там обнаружили книги на менее важные темы, неспециализированную литературу и даже неожиданно большое количество романов и сборников стихов.

Полки, лестницы, перила и деревянные панели стен были искусно украшены резьбой, золотыми вставками и статуями. Художник использовал всего несколько мотивов, однако они повторялись в совершенно разных вариациях. Герб Великобритании: лев, единорог и множество лилий.

Я не заметила, как пролетело время, и как раз читала книгу о восхождении и падении Наполеона, когда рядом со мной кто-то кашлянул.

Дочитав строку до конца, я подняла глаза и испуганно вздрогнула, из-за чего случайно слишком громко захлопнула книгу, и шум неприятно разнесся эхом по всему залу.

Мистер Рид стоял передо мной, удивленно приподняв бровь и смотря на меня поверх очков.

– У вас нет часов, мисс Крамб? – спросил он таким мягким голосом, что мне стало ясно: что-то не так.

– Нет, мистер Рид, – робко ответила я и заметила, как резко дернулись его губы. Мне снова бросилось в глаза то, что он не носил бороду, это было необычно для молодого человека. Но возможно, он просто не придавал значения модным тенденциям нашего времени, и это делало его, по крайней мере в моих глазах, чуть более приятным.

– Прошло три четверти часа с тех пор, как я вас отпустил. И у меня нет времени искать вас по всему зданию, – мягкость в его голосе исчезла так же, как и мое приподнятое настроение.

Я всегда могла хорошо подобрать слова, всегда могла дать отпор. Однако у меня не получилось бы сказать что-то умное в ответ на его грубость и при этом не выглядеть невежливо. И это больше всего меня раздражало.

– Пойдемте со мной! – строго указал он, и я проследовала за ним между стеллажами, возвращаясь в читальный зал.

– У каждой книги свое место, – начал он, и я закатила глаза, чего он не заметил, так как шел впереди. – На каждой книге есть ярлычок, – пояснил он, словно я была непроходимо глупа, и мне не хотелось знать, каких людей ему пришлось учить до меня, что теперь он счел необходимым объяснять мне что-то настолько банальное. Или он делал это, потому что я женщина? – Задача помощника библиотекаря – знать такие вещи. Эта библиотека должна стать вашим вторым домом, и вы должны относиться к работе очень серьезно. – Он повернулся ко мне и снял очки. – Потому что я отношусь к ней очень серьезно, – добавил он, и, казалось, в его голосе скрывалось больше смысла, чем в словах до этого. Напряженная атмосфера повисла в воздухе, когда он стоял там и смотрел на меня. Пытаясь донести, что для него книги являлись величайшим благом, и я должна была отнестись к этому с уважением. Эта библиотека действительно имела

для него большое значение.

Затем он снова отвел взгляд и повесил очки на жилет, как делал раньше.

— Вы будете выполнять поручения, на которые у меня не хватает времени, и зачастую их будет больше, чем то, с чем, как вы думаете, сможете справиться, — заверил он, и я вновь поплелась за ним. — Я жду вас в семь тридцать. Вы заберете последние выпуски газет от разносчика и заплатите ему. Затем газеты должны быть скреплены и развешаны на стойке. — Он указал на фойе, где располагалась высокая стойка с огромным количеством газет. — Старые выпуски отнесете в архив. Вы также будете выдавать и принимать книги. Возвращенные экземпляры должны быть отсортированы. Поврежденные книги отложены и, когда наберется определенное количество, отправлены реставратору, чтобы он смог их восстановить. — Теперь мистер Рид говорил все быстрее. Стало заметно, что за последние несколько месяцев он уже много раз перечислял это, и я быстро вытащила блокнот из кармана, чтобы сделать заметки.

Если я действительно хочу доказать ему, что он меня недооценил, то теперь мне нужно быть особенно внимательной.

— Вы запишете новые книги в картотеку, прикрепите на них ярлыки и проверите ключевые слова для поисковой машины.

Хоть я и записала все, смысл слов был не понятен. Что за

поисковая машина?

– Позвольте задать вопрос, – бездумно прервала я его, и он раздраженно повернулся.

Его взгляд упал на блокнот и карандаш в моих руках, и я на мгновение задумалась, как хорошо он на самом деле видел без очков. Они ему нужны только для чтения?

– Вы что-то записываете? – шокированно спросил он, и я кивнула, не понимая, было ли это оскорблением или похвалой.

– Вопрос, – напомнила я, когда он продолжил пристально смотреть на мои руки и растерянно моргать. – Поисковая машина? Как она выглядит? Как настоящая машина? Она здесь, в библиотеке? – теперь настала моя очередь наброситься на него со словами, и на мгновение он действительно потерял дар речи.

– Да, это настоящая машина, мисс Крамб. И она находится в этом здании. Если быть точным, она находится рядом с комнатой, где вы оставили свое пальто. Удивительно, что вы ее не заметили. – Он снова обрел дар речи, а затем слегка кашлянул. – Но об этом мы поговорим чуть позже. На данный момент у вас и так более чем достаточно дел. – Его голос неожиданно снова принял этот резкий тон, и короткий миг благодущия, который мы разделили, закончился слишком быстро, чтобы я могла насладиться им.

Мистер Бойль оказался прав. Этот мужчина был сложным.

Мы поднялись вверх по лестнице, сделали один круг по коридору и снова спустились вниз, пока мистер Рид беспрерывно объяснял мне общие принципы работы библиотеки, которые при этом оставались такими расплывчатыми, что в половине из них мне пришлось разбираться самой. Мой список становился все длиннее, и постепенно становилось понятно, почему все молодые люди так быстро бросали эту работу. Это было просто невозможно. Так много информации за такое малое время, мне придется сильно постараться, если я действительно хочу доказать, что чего-то стою.

Некоторое время спустя, которое показалось мне часами, но на деле могло быть не более чем получасом, библиотекарь отпустил меня с напутствием: я должна была обратиться к нему, если у меня возникнут вопросы. Но в его взгляде стояло четкое предупреждение: не пользоваться этим предложением слишком часто.

В конце концов он удалился, держа под мышкой почту, которую забрал с кафедры. Это в скором времени тоже будет входить в мои обязанности. Я проследила, как он, не оборачиваясь, исчез в своем кабинете, и в нерешительности осталась стоять в холле.

Огромное количество дел на повестке дня, и из-за этого я чувствовала себя настолько подавленной, что меня словно парализовало. Во что я ввязалась? Во что втянул меня дядя?

Наверняка он уже сам пожалел, что оставил меня на мистера Рида. Его выдали взгляд и натянутая улыбка. То, что

сначала показалось ему маленьким развлечением, оказалось в высшей степени сложным из-за очевидной неприязни мистера Рида, и теперь дядя Альфред, должно быть, понял, что на самом деле сделал со своей любимой племянницей.

Но пути назад не было. По крайней мере, если я хочу сохранить достоинство. Если так быстро сдамся, мистер Рид лишь хмыкнет, пробормотав: «Я так и знал», – и продолжит смотреть на женщин свысока, будто его конторская задница чем-то лучше.

К тому же это была моя страна мечты, наполненная книгами, и я не могла упустить возможность остаться здесь.

Взволнованная от новой ответственности, взваленной на меня, я прикусила губу, как часто делала это на публике, и сильнее прижала блокнот к груди.

Я просто начну, подключив свои амбиции и интеллект, чтобы организовать работу, и тогда она покажется мне сущим пустяком. По крайней мере, мне так кажется.

Торопливо сев за один из столов, я просмотрела все пункты в блокноте. Мне не составило труда рассортировать их. Были как ежедневные задачи, так и эпизодические, я составила график, чтобы привести их в порядок. Сначала важное, потом менее важное, большие задания поделились на маленькие части.

Закончив, я почувствовала себя намного лучше, потому что теперь у меня появилось четкое представление о своей деятельности и готовность к выполнению списка. Я спрятала

блэкнот в карман юбки и направилась к работающим за кафедрой двум молодым людям, с которыми ранее познакомил меня мистер Рид. Их звали Коди и Оскар, и они скептически посмотрели на меня, когда я подошла к ним.

— Добрый день, господа, — приветливо поздоровалась я и в порыве радости даже сумела улыбнуться. — Поскольку мистер Рид, похоже, очень занятой человек, и мне еще так много предстоит узнать, я хотела бы немного понаблюдать за вашей работой. Это возможно? — вежливо спросила я и взглянула на два растерянных лица. В какой-то момент мне показалось, что они оба меня не поняли.

— Эм, да, мисс. Если хотите, — небрежно ответил Оскар и неловко пожал плечами, продолжая смотреть на Коди, словно желая убедиться, что тот тоже не против.

Хотя эти двое были аккуратно одеты, меня не покидало ощущение, что они, вероятно, не из богатых семей и поэтому наверняка не обладали очень обширным школьным образованием и воспитанием. Возможно, это было из-за того, как говорил Оскар, а может быть, из-за замкнутости Коди, которая делала его похожим на побитую собаку.

Я не знала, как реагировать, поэтому просто заставила себя продолжать улыбаться и шагнула за кафедру, чтобы взглянуть на нее поближе.

Всю ее нижнюю часть заполняли ящики, расставленные в алфавитном порядке.

Молодой человек в светло-голубом дорогом расшитом

жилете подошел к нам с тремя книгами под мышкой и положил их на кафедру перед Коди.

– Мистер Ласситер, – обратился к нему Оскар, в то время как Коди испуганно посмотрел вниз и выдвинул ящик с буквой Л. Прошло всего мгновение, прежде чем он вытащил продолговатый читательский билет из плотной бумаги и написал названия книг, которые мистер Ласситер хотел взять.

Оскар открыл форзац каждой из книг, вытащил оттуда карточки и поставил печать с датой возврата.

Этот процесс был мне знаком, и хорошо, что эта библиотека не оказалась настолько непохожа на мою.

Затем взгляд мистера Ласситера упал на меня, и слегка нетерпеливое равнодушие, которое он выказал двум молодым людям, сменилось удивлением.

– Кто эта леди? – спросил он, не обращаясь к конкретному человеку, словно задавая вопрос самому себе. Его голос был приятно четким, и в то же время таким льстивым, что мне стало неприятно представляться этому человеку, потому что он уже показал себя высокомерным и хитрым.

Он так открыто рассматривал меня, что я устыдилась его поведения и не могла не поднять вызывающе голову, чтобы выдержать его невозмутимый взгляд.

– Новая помощница библиотекаря, – объяснил Оскар, который, очевидно, был самым разговорчивым из двух мальчиков, и бросил на меня многозначительный взгляд, в котором показал все: от неуверенности до недоверия. Этот взгляд го-

ворил, что я не задержусь надолго.

– Что? Серьезно? – весело выпалил мистер Ласситер, словно Оскар пошутил, и ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы его голос остался тихим.

Я медленно начала меняться в лице. Я не была животным в клетке. Этот высокомерный парень может верить во что хочет. Фыркнув про себя, я резко развернулась и вышла из-за полукруглой кафедры. Не глядя на мужчину, прошла мимо него, когда он проворно встал у меня на пути.

– Разве красивая женщина не должна искать мужа вместо того, чтобы быть на побегушках у такого тирана, как мистер Рид? – попытался пошутить он, и блеск в его глазах подсказал мне, что шутит он надо мной.

Моей первой мыслью было: «Мне безразлично, будет тираном в моей жизни мой начальник или мой муж», – но не озвучила ее.

– Это так печально, – сказала я вместо этого, сделав со-страдательное лицо. – Вы такой же отсталый, как и моя мать, – и с этими словами ушла.

В одном из боковых крыльев здания я нашла комнату, которая, должно быть, предназначалась для большей части моей работы, и меня разозлило, что мистер Рид не был так любезен, чтобы рассказать мне о ее существовании.

Она была размером с маленькую гостиную с высокими окнами, выходящими в парк. Вдоль стен стояли светлые стел-

лажи и шкафы для документов, заполненные книжными картами, записями о заказах и поставках книг, читательскими билетами бывших студентов, которые когда-либо брали книги из этих залов.

На массивном деревянном столе стояло несколько странных машин, которые, впрочем, мне удалось быстро опознать.

Одна предназначалась для чеканки металлических пластинок, которые крепились потом к книгам. Я попробовала ее в действии, и это оказалось легче, чем казалось. Вторая прикрепляла пластинки к корешкам книг, и мне понадобилось приложить усилия, чтобы нажать на рычаг — я надавила на него всем своим весом.

В этой же комнате я нашла и большое количество деревянных пластин, каждая из которых была длиной с руку и шириной с тонкий ломтик колбасы, с двумя отверстиями в верхней части. На них также было написано название книги, автор, местоположение книги и ключевые слова о содержании. Но, к сожалению, я не совсем поняла, для чего они предназначались. Возможно, они имели отношение к упомянутой поисковой машине?

Еще здесь повсюду беспорядочно лежали поврежденные книги, и мне стало даже немного жаль их.

Я медленно просмотрела все пункты своего списка, нашла соответствующие рабочие места в библиотеке и потратила часы на то, чтобы разобраться во всем.

Время шло, и по стоящим часам в правом крыле между

теологией и философией я видела, как быстро оно бежало.

Мне казалось, что работы совсем не убавилось. Возвращенные книги громоздились на нескольких стойках в вестибюле рядом с кафедрой, и, хотя я с легкостью их рассортировывала, чтобы Коди или Оскар отнесли их обратно в свои отделы, мне все же потребовалась целая вечность, потому что делала я это неуклюже.

Я не привыкла стоять на ногах так долго, ведь всю свою жизнь до этого дня проводила за чтением, устроившись на удобной мебели.

К полудню икры так сильно болели, что мне пришлось присесть на стул в читальном зале хотя бы на минуту. Ступни горели, лодыжки наверняка отекали, руки ныли, а мозгам требовался перерыв.

Ближе к обеду библиотека медленно начала пустеть, и студенты ставили на тележку те книги, которые им больше не понадобятся или которые они хотят взять.

Застонав, я снова встала на ноющие от боли ноги и стремительным шагом подошла к кафедре, где уже царил хаос. Коди и Оскар были заняты, пока другие раздраженные, уставшие студенты ждали, когда подойдет их очередь.

Я встала немного поодаль за высокую кафедру и выхватила книгу из рук блондина.

– Добрый день. Ваше имя? – спокойно спросила я, на что он удивленно моргнул.

– Хиггинс, – ответил он, и я открыла ящик с буквой Х,

словно целый день ничего другого не делала. По крайней мере того, что было для меня простым.

— Чарльз или Джеймс? — спросила я, потому как нашла два читательских билета с одинаковой фамилией, и молодой человек засмеялся с блеском в зеленых глазах. — Чарльз. Джеймс мой двоюродный брат, — объяснил он, и я вытащила нужный билет. Взяла перьевую ручку из керамической кружки и быстро написала название книги в пустых строчках.

Я быстро взглянула на разные почерки на листке бумаги, большинство из которых были неразборчивыми. Только две последние записи хорошо читались, и я задумалась, Коди так хорошо писал или нет.

— Вы новенькая? — дружелюбно отметил мистер Хиггинс, в ответ я кивнула.

— Да, меня наняли только сегодня, — весело отозвалась я, и он снова засмеялся.

Как бы ни хотелось признаваться в этом, но все же некоторые мужчины в Лондоне, похоже, не так глупы, как в пригороде.

Я поставила печать и протянула ему книгу.

— До свидания, — вежливо попрощался он, поклонился и ушел с улыбкой на губах.

Следующий уже стоял в ожидании, и я увидела образовавшуюся очередь.

— Закари Бостик, — нетерпеливо произнес он свое имя, прежде чем я успела спросить его, и мне стало ясно, что нуж-

но работать еще быстрее.

После того как библиотека наконец опустела, я принялась убирать за студентами. Разложила рассортированные книги по тележкам, взяла одну с собой в комнату, потому что в ней было несколько оторванных страниц, записала, какой у нее дефект, на небольшом листочке и положила его в книгу.

Тяжело вздохнув, я вытащила деревянный ящик, в котором лежало еще несколько поврежденных книг, и начала просматривать их одну за другой. Для каждой я написала небольшую записку и примерно через пятнадцать книг прокляла свою жизнь, которая пошла таким неудачным путем. У меня болела спина, еще сильнее болели руки, а ноги продолжали пульсировать даже после того, как я села.

Переломлен корешок, в конце вырвано несколько страниц, написала я, мечтая вернуться домой на чердак. Тогда бы у меня не болела спина.

Я снова положила книгу в ящик и потерла глаза.

Если сейчас вернусь домой, то мама будет раздражать меня и за чаем расскажет мне о трех молодых людях, которые могли бы стать подходящими кандидатами в мужья и которых она ни разу не видела.

Я закачу глаза, но мои ноги будут чувствовать себя превосходно.

Моргнув и стараясь больше не думать о доме, я обвела взглядом комнату и, к своему ужасу, обнаружила еще

несколько деревянных ящиков.

Я слышала характерную мелодию Биг-Бена и прибавила еще час к своему рабочему дню. Пробило шесть часов вечера, и мои нервы были на исходе.

Желудок сводило от голода, ведь сегодня я еще ничего не ела. Руки налились свинцом, а голову удавалось держать только чистым усилием воли.

Я была подавлена. И уже настолько, что в последние несколько часов мне хотелось, чтобы мама просто вручила меня кому-нибудь, чтобы мне больше не приходилось стоять здесь и наводить порядок.

Не знаю, когда эту работу выполняли в последний раз, но похоже, что очень давно, раз накопилось столько всего.

Большинство поврежденных книг теперь были просмотрены, упакованы в ящики и связаны. Но это только поврежденные. Рядом стояли, по крайней мере, еще два ящика новых книг, ни один из которых никто до сих пор не удосужился разобрать и добавить издания в картотеку.

Не говоря уже о выписывании ключевых слов.

Я рассортировала возвращенные книги, ходила между стеллажами в поисках потерянных книг, помогла, наверное, тридцати студентам в поисках определенных работ, и все мои пальцы были в чернильных пятнах.

Вздохнув, я потеряла спину, закрыла за собой дверь комнаты и побрела по длинному коридору между стеллажами в

читальный зал.

Здесь все еще сидело несколько студентов с горами литературы. Сегодня я столько времени провела с бумагами, что мои руки стали совсем сухими, и все же я мечтала очутиться в своем кресле и погрузиться в строки, которые будут принадлежать только мне.

Сегодня утром я еще возносила это место до небес, восторгалась атмосферой, царившей здесь. Но теперь, проработав целый день, уже не так воспринимала эту магию и чувствовала себя усталой и глупой.

– Вы все еще не ушли? – удивленно спросил меня кто-то, но я была слишком измотанной для того, чтобы испугаться.

Мистер Рид с книгой в руке удивленно поднял брови.

Он мало что сказал, но я сразу почувствовала, словно на меня напали. Он произнес эти слова так, словно ожидал, что я уже давно убежала.

– Конечно. Я весь день была здесь и работала, – язвительно возмутилась я, забыв про вежливый тон. В конце концов, этот мужчина не был вежлив, так что нет причин отвечать ему тем же.

– У вас обеденный перерыв с половины двенадцатого до часу, и вы можете идти домой в пять, – объяснил он, и я с удовольствием плюнула бы ему в этот момент в лицо.

– И вы говорите мне об этом только сейчас?! – ошеломленно произнесла я, когда мой гнев достиг такой степени, что уже не осталось сил его сдерживать.

– Я не видел вас полдня. Думал, что вы уже сбежали, – спокойно пояснил мистер Рид, словно не заметил мое возмущение.

– Я была в комнате и сортировала поврежденные книги. Которых, кстати, накопилось довольно много и которые вы можете отправить реставратору, – прошипела я, зная, что мое лицо уже должно быть бордовым и горячим от гнева, причиной которого являлся этот человек.

К счастью, мой корсет не был слишком туго зашнурован, иначе я наверняка начала бы задыхаться.

– Что? – Мистер Рид издал легкий смешок. – Это все, что вы успели за это время?

Он издевался надо мной, я видела это, чувствовала, наверное, даже ощущала запах издевательства и была готова расплакаться, но старательно сдерживалась.

И в этот момент мне стало совершенно ясно одно. Я ненавидела этого мужчину всем сердцем.

Глава пятая, в которой я остаюсь

Было ровно семь двадцать девять, когда я стояла перед закрытой дверью библиотеки Королевского университета. Утро выдалось холодным, еще холоднее, чем вчера, и я облачилась в более теплое пальто. Пальцы окоченели, хотя на мне были перчатки, и я судорожно вдохнула.

Если бы меня спросили, что сподвигло меня вновь вернуться сюда сегодня утром, я бы не смогла ответить.

Моего дяди не было дома, когда дворецкий, мистер Доллс, открыл мне дверь. Тетя Лиллиан сказала мне, что он, вероятно, вернется только завтра вечером, и про себя я назвала его трусом, ведь он попытался избежать столкновения с моим еще полыхающим гневом.

Мои ноги дрожали, когда тетя позвала меня на ужин, и я съела целую ножку ягненка, пять больших картофелин и два шоколадных пудинга со взбитыми сливками.

Она спросила, как обстоят дела с библиотекой, но я не ответила.

Полночи я беспокойно ворочалась на кровати, а оставшееся время мне снились плохие сны, и только в шесть утра я, наконец, проснулась, размышляя, что делать дальше.

Действительно ли я хочу сегодня попробовать еще раз?

Я могла бы просто остаться в кровати, сказать, что это все не для меня, и вернуться в провинциальное гнездышко. Или могла бы просто все бросить, а мистер Рид продолжил бы плохо обо мне думать. Но что я сделала, чтобы впечатлить человека, которому нравилось так нагружать своих подчиненных, что они буквально валялись с ног?

Кроме того, дома об этом никто бы не узнал. Мои родители не распространялись о моем желании работать, и никто больше никогда не заговорит со мной об этом.

Кроме, возможно, моей матери.

В моей голове все это звучало фантастически, но я все-таки спустила ноги с кровати. Умылась, оделась и пошла на завтрак в столовую, где встретила тетю Лиллиан.

Она спросила, нет ли у меня сомнений, на что я лишь криво улыбнулась и попросила пальто потеплее.

Теперь я стояла здесь, замерев в нерешительности и ожидая, когда двери откроются.

По пути мне встретились всего несколько людей, и я согласилась с предубеждением, что студенческая жизнь начинается только после девяти утра.

Сквозь легкий туман проступила тонкая фигура. Большими шагами, высоко подняв воротник и накинув на шею толстый шарф, мистер Рид направлялся ко мне сквозь утреннюю дымку, устремив глаза в землю и мыслями находясь явно далеко отсюда.

Он свернул на дорогу к библиотеке, порывшись в кармане

пальто в поисках связки ключей, прежде чем поднять взгляд, и застыл как вкопанный.

– Доброе утро, мистер Рид, – произнесла я, стараясь быть вежливой. Я переминалась с ноги на ногу, чтобы хоть немного согреться. В конце концов, мне не хотелось выглядеть нервным суетливым ребенком.

Моя злость к этому человеку теперь угасла, и, хотя я все еще не переносила его на дух, было трудно ненавидеть его так же пылко, как днем раньше.

– Мисс Крамб, – удивленно вырвалось из его уст, как будто сегодня ночью меня украли летучие пираты и каким-то чудом я снова оказалась здесь, у дверей библиотеки. – Вы здесь, – продолжил он, и я решила обращаться с ним, как с мамой, делая вид, что не понимаю, о чем он.

– Уже половина восьмого. Где мне еще быть? – ответила я, придавая лицу отрешенное выражение.

Мистер Рид кивнул и пошел дальше. Пока он открывал дверь, ключи стучали друг о друга, а его взгляд внимательно изучал меня. Я старалась не смотреть на него и вместо этого с как можно более скучающим видом уставилась на дверь.

– Вы одна из шестерых, которые вернулись на следующий день, – вдруг сказал он.

Я лишь невозмутимо подняла брови, взглянув на него, хотя мне и хотелось громко фыркнуть. Ничего удивительного, что они не возвращались туда, где с ними так обращались.

– А сколько всего было? – спросила я, когда дверь откры-

лась.

– Двадцать пять, – ответил мистер Рид и сделал рукой жест, приглашающий меня войти внутрь первой.

Я приподняла подолы юбок и поднялась по небольшой ступеньке в вестибюль. Это был первый вежливый жест от мистера Рида, и я была удивлена, потому что сомневалась в его вежливости.

Мне хотелось сказать ему, что нет ничего странного в том, что девятнадцать других не вернулись, но тут мистер Рид уже прошел мимо меня и большими шагами направился к лестнице, ближайшей к его кабинету.

– Идемте, мисс Крамб. Не притворяйтесь усталой! – крикнул он, и было странно слышать, как звук его голоса эхом разносится по круглому читальному залу. Несмотря на то, что, кроме нас, в библиотеке никого не было, повышение голоса здесь приравнивалось к осквернению церкви.

Я моргнула и с мыслями, что в будущем стоит сразу высказывать свое мнение, пошла так быстро, как подобает даме.

Поднявшись по лестнице, я прошла мимо двери в кабинет мистера Рида, за которой раздался звук падения чего-то тяжелого, а затем последовала громкая ругань, и поспешила снять пальто в соседней комнате.

Как только я вышла, передо мной уже стоял мистер Рид. На нем был темно-коричневый костюм и более светлый жилет поверх бежевой рубашки. Он определенно шел ему и

подчеркивал темный цвет глаз.

– Вот, – сказал он, протягивая маленький шелковый мешочек. – Два шиллинга для разносчика, и ни пенни больше. Не дайте ему себя обмануть, – поручил он мне, и я взяла мешочек. Он был тяжелым, так что я положила его себе в карман юбки, из которого тем же движением вытащила блокнот и карандаш.

2 шиллинга, написала я рядом с пунктом о газетах и побежала за мистером Ридом, который уже шел к лестнице.

– Мистер Рид, один вопрос, – обратилась я как раз тогда, когда он ступил на первые несколько ступенек. Он повернулся на каблуках и пронзительно посмотрел на меня.

Странно было смотреть на него сверху вниз, но его, казалось, это не волновало.

Единственной его реакцией был нетерпеливый жест бровями.

– Где находится архив, и где там место для старых газет? – поинтересовалась я, и лицо мистера Рида почти не изменилось.

– Это два вопроса, – поучительно сказал он, и я поджала губы. Мое настроение, которое до сих пор было довольно нейтральным, начало ухудшаться.

– Моя ошибка, – призналась я, заставляя себя приподнять уголки губ, чтобы скрыть свои чувства.

Мистер Рид просто кивнул, отвернулся от меня и зашагал дальше.

– В западном крыле есть проход, ведущий к лестнице, – объяснил он, небрежно указывая направо через высокие двери. – Просто потратьте чуть-чуть времени и осмотритесь там. Кажется, вам на все нужно немного больше времени, – поглумился он надо мной и, даже не поворачиваясь ко мне, исчез в проходе. Я все еще стояла на верхней ступеньке лестницы, сжав кулаки так крепко, что смяла в руке блокнот.

Это была уже не просто грубость. Это было оскорблением, и я с удовольствием побежала бы за этим человеком и бросила ему что-нибудь вслед. Возможно, слова. Но лучше книгу или большой камень.

Вместо этого я заставила себя сделать глубокий вдох, разгладила края блокнота и, грациозно подняв голову вверх, спустилась по ступенькам.

Мистер Рид стоял возле лестницы у стеллажа, водил указательным пальцем по корешкам книг, а потом вытащил одну. Зажал ее под мышкой и начал искать следующую.

Я не остановилась, чтобы понаблюдать за ним, у меня было полно работы. И только потому, что это еще не стало для меня рутиной – а я обладала склонностью к основательности, – этому надменному человеку совсем не стоило высмеивать меня.

Подбежав к стойке с газетами, я вынула все ежедневные издания и потянула за завинчивающуюся крышку деревянных зажимов. Газеты были зажаты так крепко, что после третьего у меня заболели пальцы, но я держалась, стараясь не

обращать на это внимания, и складывала газеты рядом с собой на табуретке, стоявшей у стены.

После того как я почти закончила, в библиотеку вошел маленький мальчик возрастом около десяти лет, одетый в слишком большую куртку, а его шапка постоянно сползала на глаза. Под мышкой он держал стопку газет и бежал прямо к кафедре. С глухим стуком бумага приземлилась на стол. Я подошла к нему, и, когда он снял шапку, его взгляд устремился в мою сторону. Рыжие волосы торчали во все стороны, щеки покраснели от холода, а миллионы мелких веснушек украшали лицо.

– Доброе утро, – тихо поздоровалась я и вытащила мешочек из кармана.

– Утро, – буркнул мальчик и невозмутимо осмотрел меня сверху донизу. – А вы шикарная крошка, – сказал он тоном моряка и самодовольно подмигнул мне одним глазом.

Я задержала дыхание.

Хорошо, что мой гнев на мистера Рида был еще совсем свежим, и я не стеснялась демонстрировать этот гнев по отношению к немытому, заносчивому и слишком смелому уличному мальчишке.

– Во-первых, меня зовут мисс Крамб, – резко вырвалось у меня, и мальчик перестал улыбаться. – Во-вторых, в следующий раз ты не будешь таким грубым и бессовестным. Поэтому, если тебе когда-нибудь снова придет в голову глупая идея назвать меня крошкой, я вытащу тебя отсюда за ухо и

позабочусь о том, чтобы для твоей работы нашли другого, более вежливого мальчика.

Его лицо потеряло всякий цвет, а глаза, которые только что так откровенно смотрели на меня, опустились на носки потертых ботинок.

– Ты меня понял? – потребовала я ответа и с удовлетворением заметила, как он нервно мнет пальцами шапку.

– Да, мэм, – раздался его робкий голос, и я глубоко вздохнула, прежде чем открыть шелковый мешочек и вынуть два шиллинга.

– Мистер Рид сказал, что тебе полагается два шиллинга, – сказала я, и он медленно кивнул. Я протянула ему монеты, он нерешительно взял их и положил в карман куртки.

– Спасибо, мэм, – пробормотал он и затем кашлянул. Его взгляд блуждал вокруг, потому что он не знал, куда смотреть, а потом глубоко вдохнул. – Я могу идти? – поинтересовался мальчик, и я была поражена собой.

Я никогда не имела дел с детьми. Только когда сама была маленькой, но потом они перестали меня интересовать и лишь раздражали.

Поэтому даже не думала, что смогу добиться от кого-то из них уважения.

Моя мама часто называла мои темные юбки одеждой гувернантки. Возможно, она не была так уж неправа.

– Да, после того, как поклонись и пожелаешь мне хорошего дня, как необходимо делать в присутствии дамы, –

указала я, думая, не слишком ли многого от него хочу. Но скорее всего он больше нигде не услышал бы этого, а капелька хороших манер еще никому не вредила.

Мальчик выполнил мои указания, неуклюже поклонился, словно делал это впервые в жизни, тихо пожелал хорошего дня и убежал так быстро, что его шаги неприятным эхом разнеслись по всему вестибюлю.

Теперь мне стало лучше. Я дала выход гневу, почувствовала облегчение и была в полной боевой готовности. Оставалось только поддерживать это состояние.

Воодушевленная, я взяла газеты с кафедры, стараясь не испортить манжеты своей кремовой блузки черной типографской краской.

– Да уж, – раздался низкий голос, и у меня получилось не вздрогнуть, хотя сердце сделало кульбит. – Не хотелось бы мне быть вашим учеником, мисс Крамб, – слегка укоризненно произнес мистер Рид, и я тут же повернулась к нему.

Я выглядела не особенно элегантно со стопкой бумаг в руке, но, по крайней мере, сразу нашла, что могла бы ответить ему.

– Жаль, вашим манерам это необходимо, – резко отозвалась я, окинула его коротким, суровым взглядом, вежливо сделала реверанс, а затем оставила его стоять вместе с книгами, которые он положил на кафедру.

Похоже, мистер Рид не смог быстро придумать ничего подходящего и поэтому просто удивленно смотрел на меня,

а я, теперь уже в хорошем настроении, начала вставлять новые газеты в деревянные зажимы.

Чувствуя прилив энергии, я поставила новые газеты на стойку и схватила старые, чтобы отнести их в архив.

Иногда стоит сказать что-то в ответ, а не подавлять каждый раз свой гнев, потому что в данный момент я была практически на седьмом небе.

Однако мое приподнятое настроение очень быстро улетучилось, стоило спуститься по каменным ступеням в архив. Я держала перед собой фонарь на крючке, и тем не менее стены, казалось, поглощали свет, превращая его в мрачные, танцующие тени.

Лестница закончилась так резко, что я чуть не упала, ожидая следующей ступеньки. Было отвратительно – стоять в полумраке с колотящимся от страха сердцем и не слышать никакого другого звука, кроме собственного дыхания.

Я прокашлялась, выпрямилась и подняла фонарь повыше. Дверная арка передо мной вела в широкий подвал, и я медленно пошла вперед, прижимая старые газеты к груди, в постоянной надежде никого здесь не встретить. Если кто-то выйдет из тени, мое сердце не выдержит.

Призрачный сквозняк качнул мою юбку, погладил меня по щеке, и я испуганно взвизгнула, хотя ничего не увидела.

Мне хотелось перекреститься, чтобы защититься от злых духов, хотя я была женщиной науки и совершенно не верила в них. К сожалению, руки были заняты, и я заставила себя

шагнуть дальше, напрямик в темную комнату.

«Не будь такой трусихой», – уговаривала я себя, не осмеливаясь при этом издать хоть звук.

Я попыталась держать фонарь подальше от себя, чтобы лучше видеть, как свет вдруг преломился в гладком предмете, и на мгновение показалось огромное пространство, заполненное шкафами, которое тут же снова погрузилось в ничто, когда я отвела назад руку.

Что это было?

Медленно я вновь вытянула перед собой фонарь. Рядом со мной у стены стоял столик с зеркалом, похожий на туалетный, в центре которого стоял тот. Я взяла его, и на его место поставила фонарь, с которым пришла. Тут же весь подвал осветился тусклым светом.

Напротив на стене висело еще одно зеркало, отражающее свет, а напротив него еще одно. И так до дальнего угла архива. От зеркала к зеркалу комната освещалась лишь одним фонарем.

Я одновременно была очарована и потрясена, но, к сожалению, это необыкновенное открытие не избавило меня от гнетущего чувства, которое возникало в этих стенах.

Здесь гулял легкий сквозняк, но воздух был настолько сухим, что в скором времени мне стало трудно глотать.

Я оставила фонарь на столе и медленно прошла дальше по комнате. Шкафы стояли вплотную в длинных коридорах, и все они были помечены металлическими табличками.

Шкаф для газет находился ближе к концу. Открыв его, я нашла несколько ящичков, по одному для каждого газетного издательства, и поспешила найти нужные, чтобы сложить в стопку бумаги и снова закрыть шкаф.

Я испуганно вздрогнула, заметив уголком глаза какое-то движение, отпрянула назад и наткнулась спиной на один из шкафов, в котором что-то громко задребезжало. Мое сердце так сильно билось о ребра, что стало больно. Но прошло всего мгновение, прежде чем я поняла, что испугалась собственного отражения, призрачно мерцающего в зеркале.

Отсюда нужно уходить. И быстро. Торопливыми шагами я побежала в коридор обратно к своему фонарю, который освещал мне путь к лестнице. Неуклюже я взяла его со стола, и тут же позади меня все снова погрузилось в темноту.

Противные мурашки бежали по всему телу, а я бежала вверх по ступенькам лестницы так быстро, как позволяла моя юбка, стараясь не думать о тенях внизу, которые, казалось, тянулись ко мне.

Оказавшись на верху лестницы, я слишком быстро захлопнула за собой дверь и прислонилась к ней спиной, чтобы отдышаться. Этот архив оказался самым жутким местом из тех, в которых мне когда-либо доводилось бывать, и я не могла поверить, что придется возвращаться туда каждый день.

Сделав глубокий вдох, я разжала скрюченные вокруг фонаря пальцы и, наконец, задула в нем свечу. Предутреннее солнце светило сквозь высокие окна на каменный пол, про-

гоняя мурашки с моих рук.

Вся блузка была в черных пятнах от краски. Прекрасно.

Несколько часов я сидела, распаковывая коробки с новыми выпусками и делая для каждой книги запись в реестре, которая включала название, автора, тему, дату выпуска, издательство и информацию о повторном заказе.

Когда Биг-Бен пробил одиннадцать часов, я уже чувствовала себя разбитой, при этом обнаружив бесчисленное количество книг, которые еще даже не распакованы.

– Что делали до меня двадцать четыре человека? Просто били баклуши? Невозможно, чтобы столько всего лежало неразобраным, и никого это не беспокоило.

Все пальцы были в чернилах, рукава заляпаны, прядь волос прилипла к вспотевшей шее. У меня заболела спина, и я решила закончить позже, а пока рассортировать возвращенные книги.

У кафедры я встретила одного Оскара, осмотрелась и расспросила. Коди вернется завтра, оказалось, что они работают вдвоем только по понедельникам и пятницам.

Я благодарно улыбнулась ему, на что он смущенно опустил глаза, и, чтобы не смущать его дальше, молча начала разбирать книги. Сегодня у меня получалось быстрее, чем вчера, и, когда начался обеденный перерыв, я уже почти закончила. Возможно, дело было и в том, что со вчерашнего дня накопилось не так уж много.

Я помогла Оскару выдать книги, спрашивала имена, записывала названия книг и вдруг услышала настолько знакомое имя, как будто оно было моим собственным.

– Генри Крамб, – сказал мужчина передо мной, на которого я посмотрела, только когда взяла у него книгу, и из меня вырвался слегка истеричный визг.

– Генри! – воскликнула я излишне громко и скорее всего бросилась бы на шею брату. Но мы были не одни, меня ждала работа, и к тому же нас разделяла кафедра.

– Когда у тебя перерыв? – быстро поинтересовался он, и я с трудом отвела от него взгляд, чтобы поискать в ящике «К» его имя.

– В половине двенадцатого, – ответила я, и Генри засмелся.

– Получается, пять минут назад, – откликнулся он, и я взглянула на часы, которые висели под потолком, как на вокзале.

– Ох, да, – произнесла я, и позади меня фыркнул Оскар.

– Запишите эту книгу и идите. Я справлюсь один, – угрюмо сказал он, но в его голосе не было пренебрежительного оттенка.

Я вытащила читательский билет Генри, записала книгу и положила ее обратно.

– Спасибо, – шепнула я Оскару и могла бы поклясться, что увидела, как на его щеках блеснул румянец.

Я торопливо побежала вверх, чтобы забрать свое пальто,

а потом направилась к Генри, который предложил мне руку.

– Тетя Лиллиан написала мне, что ты здесь. Это невероятно. Я думал, она что-то напутала, когда прочитал, что ты работаешь в библиотеке, – сообщил мне Генри, пока мы спускались по ступенькам на улицу и пошли по мощеной дорожке.

С тех пор как Генри начал изучать юриспруденцию в Лондоне, я встречалась с ним только по праздникам и на дне рождения матери. И поскольку у него всегда было много дел, его письма со временем становились все короче.

Я посмотрела на него со стороны и с удивлением отметила в нем некоторые изменения. Его темно-русые волосы теперь были немного длиннее, бакенбарды исчезли, и усы, которые всегда казались мне нелепыми, тоже.

– Скажем так, я не знала, на что иду, когда дядя Альфред и мой отец уговаривали меня. Но мама пригрозила мне скорой помолвкой с мистером Михелсом, если не спущусь с чердака, – пошутила я, хотя это не было даже и вполшутки. Генри засмеялся, но его взгляд оставался серьезным.

– Мистер Михелс, серьезно? – скептически спросил он и поднял брови. – Он ковыряется в носу, когда думает, что на него никто не смотрит, – повторил мои слова Генри, и теперь мне пришлось по-настоящему рассмеяться. – Ты хочешь есть? – поинтересовался он, и я рьяно кивнула. Я была голодна как волк.

Генри привел меня в университетский кафетерий, кото-

рый в прошлом веке был оранжереей. Поскольку погода стояла пасмурная, зал освещался теплым светом фонарей, создавая домашнюю атмосферу, несмотря на размеры. Запах печеной картошки висел в воздухе, и у меня потекли слюнки еще до того, как мы успели взять сытный обед, чай и два куска пирога.

– И? Как тебе роль помощницы библиотекаря? – спросил Генри, когда мы сели за один из бесконечных столиков, в его голосе слышалось сомнение, и я шумно вздохнула. Но по крайней мере, я была не против говорить с ним честно.

Генри понимал меня. Всегда понимал меня, и с самого детства я в первую очередь со всеми своими проблемами обращалась к нему. Он был рассудительным, веселым и кротким человеком, который всегда относился ко мне серьезно и на которого я могла полностью положиться. Так же, как и он на меня.

– Не так уж и хорошо. Дел невероятно много, а я все делаю слишком медленно. Сотни книг лежат вокруг, и никто ими не занимался. Все такое просторное, что у меня болят ноги, когда я бегаю туда-сюда. А до других дел руки еще даже не дошли, – призналась я.

– Тогда просто не торопись. Это твой второй день, Ани. Ты слишком давишь на себя, – посоветовал мне Генри, и я согнулась так, насколько позволил это сделать корсет.

– Тебе легко говорить. За твоей спиной не стоит дьявол, который только и ждет, когда ты ошибешься, чтобы он смог

над тобой посмеяться, – выругалась я, взяла в руки вилку и начала есть. Еда была хорошей, она успокаивала меня.

– Ты имеешь в виду мистера Рида? – рассмеялся Генри, но я посмотрела на него так, что ему пришлось взять себя в руки, чтобы не засмеяться еще громче.

– Конечно, кого же еще? – гаркнула я и вилкой вытащила из салата с капустой кусочек индейки. – Он наглый и нахальный, и вообще не слышал о вежливости. Разговаривает со мной, словно я неизбежно наделаю ошибок и я недостойна, чтобы он вообще сказал мне хоть слово, – продолжила я тихо ругаться, а Генри рукой пытался спрятать смех.

– Ты разобрала его по косточкам, да? – сказал он, на что я пожала плечами.

– Почему это? Насколько я слышала, никто его терпеть не может. Меня внутренне трясет при мысли о нем, от того, как он смотрит на меня, как будто я просто мило провожу время, а не работаю.

– Мне он нравится, – неожиданно произнес Генри, и я от испуга уронила с вилки картофель, после чего посмотрела в его голубые глаза, чтобы убедиться, что это шутка. Но он не шутил.

– Не смотри на меня так, Ани. Он не адское создание, – продолжил брат, и я с удовольствием возразила бы ему, если бы не потеряла дар речи. – Он ведет себя так не из злобы, а для того, чтобы дать тебе возможность сделать все в одиночку, без помощи, как взрослому человеку.

– Не говори со мной, как с ребенком, – пробормотала я.

– Тогда не веди себя так! – бросил он в ответ и поставил чашку чая на стол. – Прекрати ныть, делай, что можешь, и все остальное сложится. Если позволяешь себя провоцировать, это признак того, что ты не владеешь собой. И тогда с тобой и дальше будут обращаться как с ребенком.

С трудом сглотнув комок, образовавшийся в горле, я поняла, что Генри прав. Я должна перестать дико бить себя в грудь и начать делать что-то, потому что этого хочу, а не для того, чтобы утереть нос мистеру Риду или своей матери.

Но проще сказать, чем сделать.

По крайней мере, Генри открыл мне глаза и, наконец, дал вескую причину остаться. Ради себя, а не для того, чтобы кому-то что-то доказать.

– Ани, – примирительно взглянул он. – Ты справишься.

Я кивнула, отодвинула в сторону тарелку, которую оставила почти нетронутой, и принялась за кусок пирога. В конце концов, я взрослый человек. Взрослым тоже можно сначала съесть пирог.

– Кроме того, вы так сцепились друг с другом, потому что во многом похожи, – неожиданно заявил Генри, и я подавилась.

– Что, прости?! – резко прошипела я, чуть не выронив торт изо рта. – Совершенно не похожи. Ты не слышал, что я говорила? Он наглый, нахальный и без намека на вежливость, – проглотив, возмущенно ответила я, на что Ген-

ри улыбнулся. Вместо ответа он многозначительно поднял бровь. — Я не наглая и нахальная, — отрезала я. Генри молча начал есть, чем разозлил меня еще больше.

— Мама говорит другое, — ответил он, и я услышала в его голосе едва скрываемое веселье, которое меня раздражало.

Но он снова был прав. Мама постоянно жаловалась, что я не могу держать рот закрытым в нужный момент и всегда знаю все лучше всех.

— Но я вежлива, — попыталась я оправдаться.

Генри кивнул.

— Ладно. Ты хочешь сказать, что скрываешь свою грубость лучше, чем он, — весело прокомментировал он, получив от меня рассерженный взгляд. То, что слова исходили от собственного брата, задело меня сильнее, чем хотелось бы, и я не знала, смогу ли смириться с тем, что и в этом он был прав.

6

Глава шестая, в которой я нашла единомышленника

Я стояла возле тихо потрескивающего камина. В одной руке я держала стакан с содовой, в другой – небольшой сэндвич с паштетом и с раздражением смотрела на большой салон, полный незнакомых людей.

На самом деле мне совершенно не хотелось находиться здесь, да и обещанная музыка тоже не играла.

После того как Генри проводил меня обратно до библиотеки и на прощание так крепко прижал к себе, что стало тяжело дышать, я снова скрылась в каморке, чтобы продолжить с того места, где остановилась.

Хотя после нашего разговора ситуация сильно не изменилась, мне стало легче работать.

Я провела кончиками пальцев по кожаному переплету толстой книги, которую вытащила из папиросной обертки. Свежие чернила ударили в нос, в воздухе виднелась танцующая пыль, исходящая от разрезанной бумаги, а солнечные лучи, проникающие через окно, придавали всей ситуации ностальгический оттенок. Я замедлялась, когда не просто работала, а наслаждалась книгами, но в этот момент это было неважным.

Я приняла слова Генри близко к сердцу и медленно приступила к работе. Это был мой второй день, и сегодня вечером, как и во все последующие дни, мне не хотелось измотанно брести домой, как вчера. Меня привезли сюда, полагая, что я буду работать в библиотеке, а не стану рабыней сумасшедшего библиотекаря. Не хочу, чтобы второе оказалось верным. Я буду делать все, что в моих силах, но не позволю выводить себя из равновесия и, в конце концов, докажу тем самым, что являюсь полноценным взрослым человеком.

Что он может сделать, кроме как продолжать осыпать меня высокомерными взглядами и грубыми комментариями? Выгнать меня он не мог. По крайней мере, не в течение следующего месяца, об этом дядя Альфред позаботился.

Вместе с тем за следующие несколько часов я сделала больше, чем ожидала. Перед тем как уйти, рассортировала книги по порядку, чтобы завтра быстрее их найти. Затем закрыла чернильницу, смахнула пыль с темной ткани юбки и вышла из комнаты опрятнее, чем была до этого.

Я обнаружила мистера Рида сидящим в большом круглом читальном зале. Он тихо разговаривал с человеком в пальто и шляпе, который через несколько мгновений попрощался. Я воспользовалась возможностью еще раз показать библиотекарю, что не сбежала раньше и ухожу вовремя.

– Мисс Крамб, – произнес он, когда увидел, что я шла к нему. Он выглядел недовольным. Брови его были мрачно сведены, лоб покрыт злобными морщинами. И хотя я видела,

что он старался сохранять спокойное выражение лица, ему это едва удалось.

– Мистер Рид, – ответила я, невольно задумавшись, что сделала не так, как он вдруг фыркнул, снял очки и потер двумя пальцами переносицу.

– Простите мою вспыльчивость. Это джентльмен раздражает меня, – откровенно признался он и снова надел очки. – Чем могу помочь? – вздохнув, спросил он и даже выдавил из себя улыбку.

Я не знала, что и думать, он вдруг начал проявлять ко мне какую-то любезность. Или это был обманный ход, чтобы затем снова меня оскорбить, или он действительно успокоился и на самом деле стал более вежливым?

Не думаю, что эти изменения произошли из-за того, что я упрекнула его в плохих манерах. Возможно, дело в джентльмене, который только что ушел и который так сильно действовал на нервы мистеру Риду, что теперь я казалась для него меньшим из двух зол.

– Я лишь собиралась сказать, что ухожу, – сказала я тихим и мягким, насколько это возможно, голосом. По какой-то причине мне не хотелось провоцировать его еще больше.

Мистер Рид удивленно посмотрел на меня, а затем на часы, висевшие в вестибюле.

Мой взгляд проследовал за его. Было уже двенадцать минут пятого.

– Ох, уже так поздно. Хорошо, эм... ладно, – несколько

рассеянно отозвался он, проверяя карманы пиджака, словно что-то искал, но в итоге только опустил руки и покачал головой.

Этот человек в пальто и шляпе, похоже, серьезно задел его, и теперь он был несобранным.

— Еще одна просьба, — снова привлекла я его внимание, и он посмотрел на меня сквозь стекла очков, которые делали его глаза немного больше, чем они были на самом деле. — Завтра вы покажете мне вашу поисковую машину? Потому что я не до конца понимаю, что делать с ключевыми словами, — сказала я, и он кивнул.

— Завтра? — повторил он, словно ему казалось совершенно немыслимым, что я действительно снова приду.

— Да, завтра, — подтвердила я и сделала небольшой реверанс. — Хорошего вечера.

— Хорошего вечера, мисс Крамб, — с недоумением пожелал он, и я ушла с улыбкой на лице. В этот раз победа была за мной.

Вернувшись домой, я точно знала, как проведу этот вечер. В своем кресле с книгой.

Голова хотела отвлечься, душа требовала хорошей истории, а тело — изношенных пружин кресла, стоящего в гостиной, с ним даже тетя Лиллиан смирилась.

Но у моей тети уже были другие планы. Она принесла мне поздний чай и немного выпечки только для того, чтобы рассказать о небольшом званом вечере, на который ее пригла-

сили сегодня утром, когда она встретила в городе старую подругу.

– Она даже не знала, что я живу здесь. Представляешь? Мы так давно не виделись, – рассказывала мне тетя со смехом в голосе и мечтательным видом. – Ты пойдешь со мной, Ани, или нет? – вдруг спросила она, из-за чего я чуть не поперхнулась чаем и откашлялась, чтобы скрыть удивление.

– Не думаю, что после такого длинного дня мне стоит еще выходить в свет.

– Вздор, – взмахнула руками тетя. – Это небольшое мероприятие. Немного еды, посиделок и фортепиано, – попыталась завлечь меня она, смотря при этом умоляюще. – Пожалуйста, Ани. Альфред извинялся, что должен задержаться на еще один день, и я ни в коем разе не хочу появляться там одна, – умоляла она, и я тихо вздохнула.

Возможно, я бы не сделала такого одолжения своей матери. Но с тетей Лиллиан быстро согласилась. Во-первых, потому что она отлично владела молящим взглядом, во-вторых, потому что я чувствовала себя виноватой перед ней за то, что мне разрешили жить в ее доме, и, в-третьих, потому что я действительно очень любила фортепианную музыку.

Мою собственную игру можно было назвать посредственной, и даже ужасной, вероятно, потому, что я больше читала о пианино, чем играла на нем, но для меня не было ничего более приятного, чем слушать хорошее произведение, погружаясь в мир книги.

Возможно, тетя была права, людей придет совсем немного, все сядут у камина и начнут рассказывать истории, попивая послеобеденный чай, пока одна из дам будет демонстрировать искусство владения клавишами. И при этом я могла бы немного почитать. Какая разница, делать это здесь или там.

— Ладно, — согласилась я, и лицо тети засияло.

— Спасибо, Ани! — радостно воскликнула она, поднимаясь со стула, и лукаво усмехнулась. — Я уже даже приготовила для тебя платье, — сообщила она мне, а потом поспешила выйти из комнаты.

Спустя два часа я не могла поверить, что позволила обвести себя вокруг пальца. Большая комната, заполненная людьми, оказалась гораздо больше, чем небольшая или даже средняя гостиная для званых вечеров. У нас в пригороде столько людей собралось бы только на бал.

Но, возможно, в этом и была разница между этим местом и моим домом. Здесь это считалось небольшим званым вечером, и я мечтала очутиться подальше отсюда.

Вместе мы вошли в комнату, и обилие громких разговоров сбило меня с толку. Не прошло и пяти минут, как тетя Лиллиан представила меня своей любимой давней подруге миссис Гленвуд, с которой после пары фраз исчезла в толпе.

И вот теперь я находилась здесь, одна, среди множества незнакомых людей и держала стакан с содовой, чтобы не стоять с пустыми руками.

Держа в руках зеленое нечто, я пробиралась между людьми в поисках тихого места возле камина, где стояло кресло, которое я заметила, но в этот момент седая пожилая дама с высокой прической в фиолетовом шелковом платье уселась в него.

Мне хотелось закричать, и мои нервы были на пределе, потому что я не могла провести этот вечер так, как того хотелось бы.

Куда вообще подевалась виновница? Тети Лиллиан нигде не было. Обиженно фыркнув, я взяла сэндвич с тарелки и встала неподалеку от стола.

К счастью, тетя не затянула корсет так туго, как это всегда делала Мэри-Энн, и мне удалось хоть немного поесть, прежде чем он будет давить на живот.

– О, где вы взяли шампанское? – неожиданно сбоку от меня прозвучал вкрадчивый голос.

Я удивленно повернула голову и посмотрела на обрюзгшее лицо немного коренастого человека, которому, к моему ужасу, едва ли было больше двадцати пяти. Однако его темно-русые волосы уже начали выпадать и открывали обзор на непривлекательный высокий лоб, который делал его похожим на Шалтай-Болтая. Я невольно подумала об «Алисе в стране чудес».

– Это содовая, – исправила я его, вежливо улыбаясь, мне хотелось просто раствориться в воздухе.

– Содовая?! – потрясенно ответил мужчина, распахнув

свои маленькие глазки. Затем он заговорщически склонил голову к моей, что было мне более чем неприятно, так как у меня даже не было места, чтобы увернуться от него, не рискуя подпалить оборку юбки от камина. – Я недавно слышал, что сода – это кислота, – сказал он с таким возмущением, словно было неразумно предлагать людям эту ужасную вещь.

Мне захотелось закатить глаза. Мужчина, который до сих пор даже не представился мне, вероятно, считал себя необычайно умным, но производил на меня скорее впечатление необразованного и напыщенного человека.

– Это щелочной раствор, – поправила я его и тут же услышала в голове голос мамы, которым она наставляла меня не поучать незнакомцев.

Мужчина посмотрел на меня так, словно у меня на голове вдруг выросли щупальца. Он не понял ни слова.

– Щелочь, – уточнила я, осторожно и как бы случайно отодвигая его от себя, чтобы между нами снова возникло расстояние, позволяющее мне дышать. Потому что, к сожалению, к невероятному количеству примечательных качеств моего незваного собеседника прибавлялось равнодушие к личному пространству дамы.

Однако он кивнул с фальшивой улыбкой, которая, по-моему, должна была показывать, что он точно знал, о чем я говорю, хотя был глуп, как полено.

– Не хотите ли вы поставить эту опасную вещь и заменить

ее на пунш? Я случайно лично познакомился с хозяйкой этого дома, и ее пунш просто отменный, – сказал он с такой гордостью, словно приготовил его сам. Я только крепче сжала бокал.

– Это очень мило, – выдавила я сквозь зубы. – Но нет. У меня нет возможности спать завтра допоздна.

– Почему же? – удивленно воскликнул господин, и я с удовольствием обругала себя за то, что сейчас подкинула ему тему для разговора, хотя так отчаянно хотела от него избавиться. – Чем же занята такая молодая красивая дама, как вы, ранним утром? – тут же поинтересовался он, и я решила сменить тактику.

У меня не получится избавиться от него с помощью намеков, потому что он был слишком глупым, чтобы их заметить. Так что я пошла по пути беспощадной честности.

У мистера Рида, в конце концов, это получалось. Достаточно только вспомнить о том, что он избавился от двадцати четырех помощников за четыре месяца.

– Я работаю. – Я сказала это. Я женщина, которая работала.

Глаза мужчины заметно расширились от изумления.

– Это... ох. Но, мисс... – пробормотал он и, казалось, не в силах был придумать ответ.

Я надеялась, что он так сильно смутится, что попросится и пойдет дальше. Но недооценила упорство мужчин, не благословленных божественной красотой и элегантностью. Он

глубоко вдохнул, снова взял себя в руки и улыбнулся маленькой пороссячьей улыбкой.

– Как грубо с моей стороны. Я даже не представился. Меня зовут... – начал он спокойным голосом, и мне очень хотелось, чтобы меня кто-нибудь спас. Конечно, я была самостоятельной молодой женщиной, остроумной и могла использовать слова как нож, но против наглости все же оставалась бессильной.

Мистер Рид тоже сначала застал меня врасплах, и этот господин действовал мне на нервы так сильно, что из-за громких мыслей я не могла придумать, как от него избавиться.

– Вы не против, если я похищу у вас эту молодую даму? – Шалтай-Болтай прервался прежде, чем успел представиться, и тонкая рука просунулась под мою.

– Ох, – удивленно произнес господин, я удивилась не меньше и повернула голову к своему спасителю.

Это была девушка ненамного старше меня. С темно-каштановыми волосами, бледной кожей и выше меня примерно на полголовы, хотя я входила в число более высоких дам. Бросающаяся в глаза худощавая фигура, овальное лицо и заостренный, как у мыши, нос. Ее глаза весело смотрели на лорда, которого она только что сбила с мысли, и на ее узких губах заиграла дерзкая улыбка.

Она быстро потащила меня за собой, и я чуть не разлила содовую, а мужчина отстал от нас на два шага.

– Позвольте вас сопроводить, – сказал он, несмотря на шум в комнате, и молодая женщина рядом со мной повернула голову, словно пьяная.

– Боже правый, нет! – воскликнула она и весело покосилась в мою сторону, пока мы убегали.

Я не сопротивлялась, и она отвела меня в соседнюю комнату, где собралось меньше народу, потому что было открыто окно, через которое поступал зимний воздух.

– Так лучше, не находишь? – Ее ледяные голубые глаза обрушились на меня, как ведро с холодной водой.

Она показала на два бордовых мягких стула, и я с облегчением села, аккуратно вытянув ноги, хотя из-за кринолина этого все равно никто не увидел бы. Я уже настоялась за сегодня.

– Это было поистине... – начала я, но была прервана женщиной, которая смотрела на меня, лукаво улыбаясь.

– Невероятно? Фантастически? Захватывающе? – предложила она ряд прилагательных, и ее уверенность в себе расшемила меня.

– Вообще-то я хотела сказать «отвратительно», – пояснила я, и девушка мне так приторно улыбнулась, словно ей сделали комплимент.

– О-ох, – сказала она, – всегда пожалуйста.

И я снова засмеялась. Хотя девушка была грубой, непорочной и противной, все же скрывалось что-то за злобным фасадом, что привлекало меня и делало ее очаровательной.

Моя мама бы ее возненавидела. И это была еще одна причина, по которой она мне понравилась.

– Элиза Хэммильтон. Всегда к вашим услугам, когда за бедной девушкой ухаживает толстый, лысый холостяк, – сказала она мне, и я прикрыла рот, словно сама сказала это. – Не удивляйся так, дорогая. Они все так думают. Я просто единственная, кто произносит это вслух, – бросила она, и я кивнула. Потому что тоже думала именно так.

– Анимант Крамб, – представилась я, чтобы не вдаваться в подробности, и Элиза Хэммильтон с радостью схватила меня за руку, свободную от стакана. Сэндвич я потеряла где-то по дороге.

– Какое необычное имя. Мне нравится, – призналась она, заставив меня покраснеть. Она снова отпустила мою руку и очень неэлегантно заправила прядь волос за ухо. – Должна признаться, я не совсем бескорыстно спасла тебя от мистера Свиное лицо, – сказала она, и я удивленно моргнула, потому что не понимала, чего она от меня хотела. – Я стояла неподалеку, когда ты сказала, что работаешь. И это, бесспорно, самое интересное, что кто-то мог сказать этим вечером в этой куче выраженных, богатых нагледцов, – закончила она, и мне пришлось взять себя в руки, чтобы не покраснеть от такого грубого выражения.

– Спасибо, – вырвалось из меня и прозвучало гораздо спокойнее, чем я думала.

– Ты работаешь, чтобы заработать на жизнь? – спросила

Элиза Хэммильтон, на что я скептически подняла брови.

– Нет, – призналась я, уже ожидая, что она будет разочарована, но ее глаза, напротив, засветились еще ярче.

– Значит, у твоего отца состояние, – это было утверждение, а не вопрос. Я предположила, что у Элизы дела обстоят совершенно иначе. Возможно, у ее отца немного денег. Мне стало интересно, как она тогда смогла получить приглашение на этот званый вечер.

– И почему же ты работаешь? – поинтересовалась она, и я почувствовала, что это поворотная точка в нашем разговоре, и что Элиза Хэммильтон хочет разгадать эту тайну.

– Потому что моя мама не выдала меня замуж, – не думая, ответила я, и глаза Элизы расширились, прежде чем она начала смеяться.

Несколько джентльменов и три леди возмущенно посмотрели на нас, и я была рада, что здесь меня никто не знал.

– Я знала. Мы похожи, – сказала Элиза и пальцами смахнула слезу с уголка глаза.

– Ты тоже работаешь? – спросила я, используя вслед за ней более доверительную форму обращения, которую она мне предложила, но, похоже, считала само собой разумеющейся.

– Нет, – ответила она и ухмыльнулась. – Я учусь.

Это очень удивило меня. Я не встречала еще ни одной студентки, но, возможно, она будет такой же самоуверенной, как Элиза.

Женский университет существовал всего несколько лет, и он все еще боролся за государственное признание. Его средства были ограничены, предметы – немногочисленными, а репутации женщины-студентки уже было бы достаточно, чтобы меня отпугнуть.

– Это просто невероятно, – вырвалось у меня, и я восхитилась ею самой и ее смелостью.

– Вряд ли, – отмахнулась Элиза, делая вид, что в этом нет ничего особенного. Но крошечная улыбка в уголках ее рта выдала ее. – Университет маленький, и я даже не уверена, что, когда окончу его, получу настоящую степень.

– Тогда почему ты это делаешь? – настала моя очередь задавать вопросы, и Элиза весело рассмеялась.

– По той же причине, что и ты. Чтобы не стать женой сына торговца рыбой, – ответила она, чем подтвердила мою догадку: у ее родителей не было большого состояния. Моя мама никогда бы не выдала меня за сына торговца рыбой. По крайней мере, до тех пор, пока у нее был выбор, или я не представила его как любовь всей моей жизни.

Это вызвало у меня улыбку. Элиза оказалась достаточно разговорчива, чтобы многое мне рассказать, и я не чувствовала себя наглой, расспрашивая ее обо всем.

– Мне повезло, у меня есть покровительница, которая платит за мое обучение, – рассказала она, и я кивнула. – Но, к сожалению, она настаивает, чтобы я сопровождала ее на подобных мероприятиях. Я делаю это, но ненавижу. Особен-

но эти украшения. — Она слегка потянула за шляпку, которая крепилась к ее прическе, и щелкнула по длинным, ярким перьям. — Зачем они? Я что, попугай? — шутливо спросила она, и мы одновременно расхохотались, потому что это звучало просто абсурдно.

— Не знаю. Я отказываюсь надевать что-то подобное. Если бы моя тетя уговаривала меня на это, меня бы здесь не было, — сказала я более откровенно, чем обычно, но Элиза, похоже, не возражала.

Она усмехнулась и заинтересованно наклонилась ко мне.

— И что бы ты сейчас делала, будь у тебя выбор? — поинтересовалась она, и мне не потребовалось много времени на раздумья.

— Я бы сидела в своем кресле и читала.

— Так вот кто ты: домоседка, — отреагировала она, и, хотя это было прямолинейно, я не восприняла ее слова как оскорбление.

— А что бы сделала ты? — спросила я, и она приложила указательный палец к губам, чтобы немного подумать.

— Хм. Возможно, я бы пошла в паб, села бы со своими кузенами и рассказала, насколько я неженственна и что никогда не выйду замуж, — поделилась она.

— Так вот кто ты: пьянчужка, — прокомментировала я, скрывая улыбку, и Элиза хихикнула.

— Туше, — созналась она, делая глупое выражение лица. — Мне кажется, я сразу влюбилась в тебя, Анимант, — сказала

она, очаровательно взглянув на меня и не воспринимая свои слова всерьез, и я внезапно обрадовалась, что не осталась одна дома.

Глава седьмая, в которой я погрузилась в мир машины

Когда следующим утром я стояла перед библиотекой, мистер Рид уже не удивился. А если и так, то скрывал это лучше, чем вчера. Он невнятно поздоровался, не взглянув на меня, и, похоже, был в очень плохом настроении.

Но сегодня меня это не волновало, так как я не особо долго спала и меня мучила легкая головная боль с самого пробуждения. В тот момент мне не хотелось слышать какие-либо комментарии от мистера Рида по этому поводу.

Молча проследовав за ним вверх по лестнице, я увидела, как он без лишних слов исчезает в своем кабинете, закрыв дверь с гораздо большей силой, чем это было необходимо.

Повесив пальто в маленькой соседней комнатке, я задумалась, что же произошло и связано ли это со вчерашним джентльменом. Не поэтому ли он так расстроен?

Я начала работу с газет в вестибюле, вытащила их из зажимов, ощущая страх из-за мрачного архива. Но в этот раз мне известно, что меня там ждет. Сегодня я справлюсь быстрее. По крайней мере, мне так кажется.

Разносчик газет уже был не так напуган, как вчера, но держал дистанцию и вел себя чрезмерно вежливо. Я дала ему

два шиллинга, и он сказал, что его зовут Филипп Тамс.

У меня промелькнула мысль дать ему еще немного денег, чтобы он спустился в архив вместо меня. Но это стало бы окончательным признанием своей слабости, поэтому я отпустила Филиппа, выполнила свою работу и поборола свои страхи.

Во всяком случае, это то, что я сказала себе. Потому что мой страх перед этим жутким местом с вечным сквозняком, который хватался за мою шею и заставлял меня снова и снова съезживаться от каждой тени, не уменьшался.

Я вновь взбежала вверх по лестнице и с колотящимся сердцем остановилась между книжными стеллажами в боковом проходе библиотеки, у стены которого находился вход в архив.

Тридцать один день в месяце, минус два дня, что уже прошли, минус четыре воскресенья, в которые я не работаю, итого двадцать пять раз мне придется спуститься в этот страшный архив, посчитала я в голове, и по телу побежали мурашки. Еще двадцать пять раз я должна буду туда спуститься, и в этот момент мне казалось, что это слишком много.

Я обрадовалась, встретив Коди, когда вернулась в читальный зал. Это лучше, чем оставаться одной в больших комнатах после только что испытанного страха. Он сначала испуганно посмотрел на меня, но потом поспешно снял с головы шапку и слегка поклонился в знак приветствия. По-прежнему

му не произнесся ни слова.

На самом деле я ни разу не слышала, чтобы он что-то говорил.

– Доброе утро, Коди, – отреагировала я на его поклон, а затем помогла ему собрать книги, оставленные на столах в читальном зале, и распределить их по темам, чтобы он мог их убрать.

Я направилась в свою комнату, когда в вестибюле появились первые студенты, которые смотрели на меня, как на животное в зоопарке.

– Это новая помощница библиотекаря, – услышала я, как кто-то прошептал своему товарищу, быстро поправила блузку и огляделась.

Меня ждала еще целая стопка новых книг без ярлыков.

Около девяти тридцати в дверь постучали, что удивило меня. Никто еще не заходил ко мне сюда.

– Войдите, – сдавленно крикнула я, нажимая на рычаг прибора, который прикреплял металлические ярлыки к корешкам книг.

– Мисс Крамб, – произнес мистер Рид, и я узнала его только по голосу, потому что в этот момент у меня не было возможности посмотреть.

Три быстрых шага приглушенно прозвучали по обшитому деревянными панелями полу, а затем одна сильная рука потянулась через мое плечо, обхватила рычаг, нажала, и аппарат защелкнулся.

Мне ничего не нужно было делать. Мистер Рид одной рукой привел в действие механизм, на который мне пришлось надавливать всем весом своего тела.

Затаив дыхание, я тут же отпустила ручку и испуганно повернула голову к человеку, стоявшему вплотную к моей спине. Его глаза были почти черными.

Только увидев мое испуганное выражение лица, мистер Рид, казалось, осознал, насколько щепетильна созданная им ситуация, и мгновенно отошел.

– Прошу прощения, мисс Крамб, – быстро произнес он, словно его заставили это сказать, а потом продолжил, быстро вздохнув: – Пойдемте, механик здесь, – сообщил он мне, повернулся и практически вылетел из комнаты, еще до того как я успела ответить.

Меня возмутили его слова, но все же я пересилила себя и пошла за ним. Почему он все время командует, словно я прислуга. *Не изволите ли вы пройти со мной? Не могли бы вы отложить работу на пару минут и проследовать за мной?* Это трудно сказать? Неужели нельзя быть вежливым?

Мое сердце вновь забилося слишком быстро. Из-за недавно ощутимого страха и из-за злости. Этому библиотекарю постоянно удавалось разозлить меня всего одной фразой так, что я с удовольствием ударила бы его кочергой. А ведь обычно не проявляла такой жестокости.

Я проследовала за мистером Ридом в читальный зал, а затем вверх по лестнице и была слишком сердита, чтобы спро-

силь, зачем нужен механик и почему мне нужно с ним встретиться.

Конечно, я бы догадалась сама, если бы вспомнила: в самом начале мистер Рид упомянул, что поисковая машина – это настоящая машина. Но мои мысли были заняты придумыванием ругательств для библиотекаря, поэтому сложно было прийти к такому выводу.

Как только мы вошли в маленькую комнату, где я оставила пальто, моему взору одним махом открылись другие вещи, я увидела вторую дверь с другой стороны, за которой возвышался лес зубчатых колес.

Он дрожал, когда металл ударялся о металл, и затем кто-то тихо выругался.

– Мистер Леннокс! – воскликнул мистер Рид и исчез за шестерней размером с тележку, сквозь которую можно было увидеть несколько ремней, гигантскую металлическую пружину и различные рукоятки. Медь, сталь и латунь сияли на свету, падавшем через узкие окна с одной стороны, и я на мгновение словно замерла.

– Джейми? – громче позвал мистер Рид, и следом послышался приглушенный ответ.

– Я здесь, – раздался голос из машины, и тут я увидела угольно-черные волосы между маятником и странной металлической конструкцией. – Указатель смещается с М на Л. Должно быть, винт ослаб, – объяснил голос, и только тогда я увидела его обладателя. Он пролез между деталями кон-

струкции, держась за балку, висящую над ним, через скопление шестеренок и затем приземлился тяжелыми сапогами на пол в паре метров от меня. Он был примерно моего роста, возможно, чуть выше, лицо и кожаный жилет испачканы в масле, черные брюки в пыли, а на бедре висел широкий пояс с инструментами. У него были широкие плечи, темные волосы, собранные в хвост на затылке, и заметная трехдневная щетина. Казалось затруднительным определить его возраст из-за мазута на лице, но ему вряд ли было намного больше, чем мне.

– Мистер Ри... – начал он и затем удивленно моргнул. – О, мисс. Эм-м, извините, – смущенно пробормотал он и снова исчез за огромной шестерней. – Мистер Рид? – крикнул он, и я втянула воздух.

Что это за гигантская машина и почему ее построили в библиотеке? С любопытством я сделала шаг вперед, дошла до дверного проема и оказалась в самом центре. Я подобрала подолы юбок, чтобы нигде не зацепиться, прошла сквозь узкие проходы между деталями, рассматривая знаки и отметки, в которых мало что понимала, и не могла насмотреться. Пахло смазочным маслом и металлом, жаром и мощностью, и, хотя я почти ничего не знала о машинах, работа механизма произвела на меня неизгладимое впечатление.

– Вот вы где. Вам нельзя просто так ходить здесь, – обратился ко мне мистер Рид, и я отметила, что не рассердилась на него. В этот момент даже его резкие слова не смогли

охладить моего энтузиазма.

– Это невероятно, – промолвила я и повернулась вокруг своей оси, чтобы охватить все великолепие работы. – Что она делает? – поинтересовалась я, и горечь на лице мистера Рида растаяла прямо у меня на глазах.

– Она ищет книги, – мягко объяснил он, и, к сожалению, я не смогла понять, что под этим подразумевается. – Я покажу вам, – несколько поспешно предложил он и спрятал улыбку в уголке рта.

Я вышла за мистером Ридом из лабиринта шестеренок, в котором мне было бы сложно найти обратную дорогу одной, и пересекла маленькую комнату, отделяющую машину от вестибюля.

Мистер Рид прошел несколько метров вдоль стены, а затем повернул к отгороженному помещению, которое раньше не попадалось мне на глаза, потому что было скрыто теми же деревянными панелями, которыми была обита остальная часть стены. Библиотекарь вытащил связку ключей и открыл двери, после чего с силой потянул и отодвинул их в сторону.

Передо мной появилась платформа, на которой располагалась клавиатура пишущей машинки. Позади нее находился ряд пластин, а над ней – пара металлических рельс, выступавших из стены.

– Допустим, вы ищете книгу. О физике или по корпоративному праву, – начал объяснять мистер Рид и впервые за сегодня по-настоящему посмотрел на меня.

И хотя он все еще был жестким, высокомерным библио-текарем, но уже не казался таким неприступным, как раньше. Он был в восторге от этой машины, и я внимательно его слушала.

– Вы печатаете с помощью кнопок слово, описывающее нужную вам книгу, и машина ищет для вас все те, которые ранее были связаны с этим словом, – продолжил он, и я не могла поверить в то, что он мне рассказывал. Это было поистине потрясающе.

Сначала я просто ошеломленно уставилась на него, но, в конце концов, сумела закрыть рот, а затем провела кончиком языка по высохшей нижней губе, прежде чем заговорить.

– Могу ли я... попробовать? – довольно робко по моим меркам спросила я, и на лице мистера Рида появилась улыбка. Настоящая, одинаково удивившая меня и озадачившая.

– Конечно, мисс Крамб, – разрешил он, а потом повернулся к кнопкам. – Мистер Леннокс? – крикнул он в одно из отверстий, через которое рельсы шли вперед и можно было увидеть находившуюся за ним машину.

– Одну минуту! – раздался голос молодого человека из глубины комнаты, и следом послышался громкий скрежет. – Починил и завел, сэр! Но дайте мне еще минутку, чтобы я вышел отсюда, прежде чем леди приведет машину в действие, – послышался шум шагов, и в дверях уже появился молодой человек с измазанным маслом лицом.

Мистер Рид сделал приглашающий жест рукой, и я ото-

рвала взгляд от механика, который тоже улыбался мне.

Нерешительно я подошла к платформе, и, немного подумав, положила пальцы на кнопки. Нажимать на них было удивительно легко, и каждая буква, которую я выбирала, появлялась на пластинках позади них.

С тихими щелчками появились буквы Т, Е, Р и М. Я написала *термодинамика* и глубоко вздохнула, ожидая, что сейчас что-то немедленно произойдет. Но ничего не произошло.

– Я сделала что-то не так? – спросила я, на что механик, стоящий рядом, рассмеялся. Он вытащил из кармана брюк тряпочку и вытер ею лицо.

– Вам нужно просто подтвердить, – сказал мистер Рид, указывая на маленький рычаг рядом с кнопками.

Осторожно ухватившись за него, я потянула его на себя, и машина сразу начала мурлыкать, как кошка, которая ждет ласки.

Шестеренки были приведены в действие, пружины натянулись, ремни закрутились. И я не могла не наклониться вперед и не уставиться в отверстие в стене, как ребенок, прижимающийся носом к витрине кондитерской. Чувство было похожим на то, когда впервые видишь звезды, и мне хотелось громко рассмеяться из-за охвативших меня чувств.

И тут ко мне что-то приблизилось. Испугавшись, я отпрянула назад, когда три узких деревянных дощечки, выскочив из проема, уперлись в конец рельс и, покачиваясь, останови-

лись. Я видела их у себя в каморке. Два отверстия в верхней части служили подвеской для этих рельс.

Но самое удивительное было то, что на всех этих дощечках были указаны названия книг по термодинамике. «Термодинамика химических процессов» Гельмгольца, «Термохимические исследования» Германа Генриха Хесса и учебник по физической химии.

– Невероятно, – только и смогла сказать я, и улыбка мистера Рида коснулась его губ. Он был весьма привлекательным, когда улыбался.

Но затем она неожиданно исчезла, он расправил плечи, снова приняв серьезное и раздраженное выражение лица, слегка кашлянул и, вытащив серебряные карманные часы, произнес:

– Хорошо. Теперь, когда вы знаете, что это такое, я оставляю вас мистеру Ленноксу, – разъяснил он мне, поглядывая на часы и уже почти отворачиваясь. – Это он построил этого монстра и объяснит вам, как потом добавить на рельсы деревянные карточки для картотеки. – Он снял очки с жилета и водрузил себе на нос. – Но будьте осторожнее с четвертой ступенью. Она сломана, – сказал он, убрал часы в карман и ушел.

Я изумленно смотрела, как он исчезает в своем кабинете, и не могла понять, что думать об этом. Кем был этот мужчина? Зажатым старомодным библиотекарем или прогрессивным провидцем? И как эти две стороны, которые он мне по-

казал, могут сочетаться в одном человеке?

По-настоящему сложно.

8

Глава восьмая, в которой я запланировала безрассудный поступок

Было не так просто понять, как машина рассортировывает дощечки для картотеки, чтобы потом выдать нужный вариант. Кроме того, Джейми Леннокс хоть и был разговорчивым парнем, учитель из него никудышный. И когда я, наконец, поняла систему, то невольно узнала, что семья мистера Леннокса была родом из Северной Англии, все они работали часовщиками, и его отец спроектировал машину, а мать по большому счету совершенно не признает эту работу.

Он вел себя вежливо и мило и почему-то нравился мне, пусть и говорил слишком много. Он не был глуп, хоть и не выражался как человек из высшего общества, я даже ответила ему на вопросы о себе и о том, как получилось, что сейчас работаю здесь, хотя это было не в моем стиле: рассказывать так много незнакомому мужчине. Он три раза меня рассмешил, и к концу разговора у меня сложилось впечатление, что он пытается покорить меня своим обаянием.

Однако спустя час звон Биг-Бена заставил его вздрогнуть, он поспешно извинился и собрал свои инструменты.

– Передайте мистеру Риду, когда он вернется, что я посмотрю ступеньку на следующей неделе. Мне нужно идти, – сказал он мне, и я нахмурилась.

– Когда мистер Рид вернется? Куда он ушел? – спросила я мистера Леннокса, на что он только пожал плечами.

– Не знаю. Мне известно только, что каждую среду ближе к полудню он бесследно исчезает, – ответил он.

Я смотрела, как он сбежал по ступенькам вниз, поздоровался с Коди, а затем вышел через главный вход.

У меня не выходила из головы новость, что мистер Рид просто исчезает, и я сделала несколько шагов к его кабинету, чтобы незаметно подслушать у двери. Сначала казалось, что там никого нет, но спустя несколько секунд я уже была в этом уверена. У меня имелся достаточный опыт в подслушивании, чтобы быстро понять, был ли кто-то в комнате или нет.

Поэтому я прошла вдоль прохода, рассортировала несколько попавшихся мне на глаза книг и параллельно высматривала библиотекаря. Его не было ни в читальном зале, ни в вестибюле. Я спустилась по лестнице и быстро осмотрела боковые крылья библиотеки. Мистера Рида там тоже не оказалось.

Единственным местом, которое я не проверила, оставался архив. Если он там и был, то это выходило за рамки моих интересов, потому что там я искать его не стану.

Не торопясь, я пошла в свою комнату прикреплять метал-

лические пластины к корешкам книг до тех пор, пока руки не задрожали от напряжения, и вновь вернулась в вестибюль, чтобы рассортировать возвращенные книги.

Взглянув на часы, я поняла, что забыла про обеденный перерыв, и немного разозлилась на себя.

– Коди, могу я задать вам один вопрос? – обратилась я к парню, когда он вернулся, чтобы забрать следующую стопку книг.

Он украдкой посмотрел на свои руки и нерешительно кивнул. Я не была уверена, что он мне ответит, в конце концов, он до сих пор не произнес ни звука в моем присутствии.

Поскольку мне не хотелось ставить его в неловкое положение, я решила сформулировать вопросы так, чтобы он мог ответить на них кивком головы.

– Мистер Рид исчезает каждую среду? – спросила я, и Коди кивнул. Моя тактика имела небольшой успех.

– А потом он возвращается? – продолжила я, на что Коди отрицательно покачал головой.

Это действительно было крайне странно. Мистер Рид уходил в обед, а затем не приходил обратно и просто отдыхал? Это снова было что-то, что совершенно не соответствовало его натуре. Я ценила его как человека, который предпочитал задерживаться, а не уходить пораньше, и, кроме того, он сам сказал мне, что очень серьезно относится к работе.

Так что же было важнее его любимой библиотеки?

– Знаете ли вы, куда он уходит? – задала я еще один во-

прос, и Коди вновь покачал головой, перекладывая книги со стойки передо мной на тележку для книг.

С одной стороны, меня раздражало, что теперь я нахожусь в этих комнатах одна, без присмотра мистера Рида, но, с другой, это позволило мне в какой-то мере вздохнуть с облегчением. Его невидящий взгляд, который всегда с трудом задерживался на мне, исчез, и я не чувствовала, что за мной так пристально наблюдают, хотя скептические взгляды студентов все еще преследовали меня повсюду.

Никто из них не чувствовал себя комфортно рядом с работающей женщиной, и они часто шептались обо мне. Но я уже привыкла к подобным нападкам. Дома на меня так смотрело большинство: как мужчины, так и женщины – они шептались о странной девочке, которая все время прячется за книгами.

Но что они знали?

Я пошла в кафетерий за чаем и куском слоеного пирога. Поскольку мистера Рида не было на месте, я не испытывала угрызений совести по поводу того, что ушла посреди рабочего дня, тем более что и так пропустила обеденный перерыв.

Балансируя со своей чашкой по двору и неровной дороге до библиотеки, заботясь о том, чтобы при этом не обжечь себе тыльную сторону ладони, я подумала о том, как бы мне в будущем готовить себе чай в библиотеке, ибо нынешний метод доставлял много хлопот.

Когда зашла в комнатку, через которую можно войти во

внутреннюю часть машины, я села за стол и раскрыла пирог. Здесь было абсолютно неуютно, и я решила прибраться здесь, как только у меня будет на это время.

Мои мысли полетели дальше и снова вернулись к библиотекарю. «Чем он занят?» – спросила я себя и опять поразмышляла над этим, делая глоток чая. Теперь он был холодным.

Четверг начался так же, как и прошлый день. Я подошла к библиотеке за несколько минут до мистера Рида, и его утреннее приветствие снова оказалось немного более дружелюбным, чем накануне. Я рассортировала газеты, заплатила Филиппу Тамсу, с тем же страхом до кончиков пальцев спустилась в архив, а затем исчезла в своей каморке, чтобы напечатать карточки для машины.

Достав из ящиков половину новых книг, я включила их в каталог, подписала, скрепила и просмотрела ключевые слова, но все равно казалось невероятным, сколько мне удалось сделать за последние три дня. Хотя я и представить себе не могла, что мистер Рид когда-нибудь будет гордиться мной, но это все сделала я и не позволю кому-то это отнять.

Я лично загрузила новые книги в тележку и отвезла их в те места, где они потом будут храниться.

– Извините, мисс, вам нечего здесь делать, – внезапно в нескольких рядах от меня раздался голос Оскара, прозвучавший слишком громко в тишине, что царила в библиотеке.

– Мне нужно только быстро кое-что выяснить, – ответил ему женский голос, резкое эхо которого мне сразу показалось знакомым.

– Нет, мисс. Эта библиотека предназначена исключительно для студентов и меценатов Королевского университета. Она... – отвечал ей Оскар, но был прерван.

– Которыми являются только мужчины! Я поняла. Но мне все равно! – бросила женщина, и теперь у меня не осталось сомнений.

Это была Элиза Хэммильтон.

Я положила книгу, для которой хотела найти место, обратно в тележку и торопливо пошла в их направлении.

– Мисс, верните мне книгу! – рассерженно прошипел Оскар, и я увидела, как он цепляется за один конец толстого фолианта. Элиза попала в поле моего зрения, ее лицо напряженно скривилось, пальцы сомкнулись вокруг кожаной обложки, за которую она отчаянно тянула.

Я стояла рядом со скандалистами, которые выглядели так забавно, что над ними стоило посмеяться. Элиза была на полголовы выше Оскара, но он определенно был вдвое шире худой девушки. Их рты скривились от гнева, и они выглядели как карикатуры на самих себя.

Я громко прочистила горло.

Они испуганно обернулись, словно я дала им пощечины. Руки Оскара соскользнули с книги. Элиза отступила на шаг.

– Отдайте мне книгу, – строго сказала я, вытянув вперед

руку. Элиза удивленно смотрела на меня, а я ответила ей взглядом, как если бы она была незнакомкой. Тут ее глаза прищурились, а взгляд стал подозрительным. Без сопротивления она протянула мне книгу.

Было тяжело не взглянуть на название книги, но я не хотела упускать их из виду и тем самым потерять авторитет.

– Мисс Крамб, – начал объяснять Оскар, но я прервала его.

– Я позабочусь об этом, – твердо отозвалась я. – Спасибо, Оскар. Вы можете идти. – Мое лицо не дрогнуло ни на миллиметр от его взгляда.

Оскар смотрел на меня, выпучив глаза, пока румянец заливал его лицо, но, наконец, кивнул и убежал.

Я подождала, пока его шаги не стихнут, и позволила скользнуть улыбке по моим губам, которая все это время таилась там.

– Что ты здесь делаешь? – поинтересовалась я, и Элиза облегченно выдохнула.

– Черт, ты меня так напугала, – прошептала она, взмахивая темно-красной перчаткой. – Я могу спросить тебя о том же. Почему, черт возьми, этот недалекий мальчик на побегушках слушается тебя?

– Потому что я работаю здесь, – призналась я и вернула ей книгу. Это был манифест о гражданских правах рас Америки. – Я новая помощница библиотекаря.

Казалось, глаза Элизы в любую минуту вылезут из орбит,

настолько потрясенно она уставилась на меня.

– Бог ты мой, – вырвалось у нее, и я решила, что нам, наверное, будет лучше побеседовать в таком месте, где нас не смогут увидеть.

– Пойдем. – Я подошла к краю стеллажа и посмотрела в проход. В длинном коридоре никого не было, а студенты в читальном зале, которые могли нас видеть, были поглощены чтением.

Мы пересекли коридор, и я открыла Элизе дверь в комнату, где все еще оставалось слишком много дел.

– Это просто немыслимо! – воскликнула Элиза, как только я закрыла за нами дверь. Я покачала головой, забавляясь ее восторженностью. – Если бы я знала! Немыслимо! – повторила она и начала бегать взад-вперед.

– Ты не спрашивала, – рассудительно отозвалась я, и она на мгновение остановилась, отложила книгу, а затем шагнула вперед.

– Ты совершенно права. Я думала, это не так важно, а ты, оказывается, находишься у источника. С моей стороны было слишком высокомерно не спросить об этом. Я уберегла бы себя и не порвала чулки о кусты роз, когда лезла сюда через окно, – выпалила она, и я окинула ее сомневающимся взглядом. У нее имелась склонность к преувеличению и театральности.

– Элиза, зачем ты залезла в библиотеку? – прервала я ее бессмысленный поток речи, и она удивленно посмотрела на

меня.

– Чтобы взять книги! – сказала она, словно это было само собой разумеющимся. – Наша библиотека просто шутка по сравнению с этой. У нас есть сотни книг о ведении домашнего хозяйства и искусстве. Но по праву, политике, философии всегда у кого-то на руках, потому что их очень мало, либо их вообще нет, – пожаловалась Элиза, и я села на стул, взяла еще один и поставила его рядом со мной в надежде, что Элиза прекратит бегать и тоже сядет.

Но она, казалось, была слишком расстроена, чтобы последовать этому молчаливому призыву.

– Они дают нам знания в таком малом количестве, словно мы настолько глупы, что не сможем понять больше. Мне хочется рвать на себе волосы, но тогда моя покровительница будет упрекать меня, что я выгляжу как проститутка.

Это не должно было быть смешным, и все же я не смогла удержаться. Именно эта оригинальная манера, с которой она объединяет важное и неважное в одном предложении, делает ее такой остроумной.

– Ах, не смейся, Анимант, – упрекнула она, но в ее голосе уже был слышен смех.

– Прости, – попыталась извиниться я и взять себя в руки. – Значит, ты вломилась сюда, чтобы прочитать книгу, – продолжила я, не в силах подавить улыбку. Я была без ума от книг, и все же мне не пришлось бы в голову лезть за ними через окно здания, вход в которое мне запрещен.

Наконец Элиза упала на стул, который я пододвинула ей, и громко вздохнула. Эта беготня меня сильно раздражала.

– Да, я сделала это, – призналась она и тоскливо взглянула на фолиант, лежащий на краю стола. – Я хотела прочитать пару предложений, хотя на самом деле мне, возможно, понадобилась бы вся книга. И затем появился этот парень, – выругалась она, и, несмотря на внешнее спокойствие, я видела, в каком отчаянии она была на самом деле по этой маской. Должно быть, очень неприятно, когда не можешь прочитать то, что тебе хочется или то, что тебе нужно.

И во мне возникло желание помочь ей. Так несправедливо, что ей запрещено входить сюда, поэтому я просто не могла допустить подобного.

– Я выдам ее тебе, – сказала я, и взгляд Элизы устремился в мою сторону.

– Ты не можешь, – резко возразила она, но в глазах затеплилась надежда.

– И? Кто узнает? Я дам тебе ее на неделю, и потом ты вернешь ее мне, – предложила я, и Элиза недолго думала, как на это возразить.

– А если кто-то заметит, что она исчезла? – спросила она, и я пожала плечами. Нет ничего проще, чем это.

– Я напишу в карте, что ее кто-нибудь взял, тогда никто не будет ее искать, – объяснила я, но она все еще не выглядела полностью уверенной.

– И под каким именем ты ее запишешь? – поинтересова-

лась она и потянулась за книгой, чтобы взять ее.

– Ты можешь его придумать, – ответила я, спросив себя, не разрушит ли все моя безрассудная смелость, заставляющая меня чувствовать воодушевление в этот момент.

Глава девятая, в которой произвол уничтожил книги

Эдвард Тич³ – имя, которое мы написали на читательском билете Элизы, и я чувствовала себя обеспокоенной и хитрой, как пират.

Я не могла вспомнить, чтобы когда-либо совершала что-то столь запрещенное, и мое сердце бешено застучало от страха, что мистер Рид увидит следы злодеяния на моем лице, когда мы столкнемся.

Но, сколько бы ни думала об этом, с какой бы точки зрения ни смотрела на него, я не жалела о своем поступке и знала, что сделала бы это снова. Несправедливо, когда женщины препятствуют получить образование, доступное при этом мужчинам. Что бы ни предписывало общество, оно руководствовалось только мнением мужчин.

Я убрала оставшиеся книги на полки, отнесла почту мистера Рида к двери его кабинета и проверила, что везде все в порядке. Пообедала в кафетерии с Элизой, которая составила мне компанию и угостила куском пирога. Она была настолько радостной и воодушевленной, что мне пришлось

---

³ Эдвард Тич (англ. *Edward Teach*) по прозвищу Черная Борода – английский пират, действовавший в районе Карибского моря в 1713–1718 годах.

сдержать ее от покупки для меня целого шоколадного торта.

Когда мы вышли из кафетерия, начался моросящий дождь, и, так как ни у кого из нас не было зонта, мы быстро попрощались.

Мне нравилось проводить время с Элизой, и я надеялась, что мы будем чаще видеться.

Дружба с кем-то являлась для меня редкостью. Но в Лондоне просто были не такие люди, как дома.

Когда Биг-Бен пробил пять часов, я отложила работу, попрощалась с мистером Ридом и Оскаром, который недовольно посмотрел на меня. Очевидно, ему не понравилось, что я влезла в его работу и что пришлось подчиниться мне. Впрочем, меня это совершенно не беспокоило.

Я под дождем добежала до дома, где меня встретил буйный дядя Альфред, который из-за рабочих дел отсутствовал дома до сегодняшнего дня. Тетя Лиллиан была рада возвращению мужа, и они шутили весь вечер, пока я дочитывала «Путешествие Джексона Троуга в Индию», а потом слушала рассказ дяди Альфреда о его поездке. Он старался не задавать вопросы о моей работе, и я также не упоминала о ней, чтобы он еще немного потерпел муки совести.

Я рано легла спать, слушая усиливающийся дождь. Он звучал не так, как дома, и не давал мне уснуть, заставляя мысли вертеться в голове.

Хотя прошла всего половина недели, я чувствовала себя гораздо лучше, чем в начале. Мне действительно удалось

освоиться, и я не была уже такой медлительной. Благодаря Генри, я больше не пыталась произвести впечатление на библиотекаря, делая все как можно быстрее, и некоторые вещи мне даже стали приносить удовольствие. Распаковывать новые книги или смотреть, насколько различны темы экземпляров, которые брали студенты. Мне нравилась спокойная атмосфера, как проникал свет сквозь стеклянный купол и тихое гудение двигающихся в поисковой машине шестеренок, которое со вчерашнего дня снова заполонило читальный зал.

Только архив все еще вызывал во мне страх, и, стоило подумать о нем, по коже начинали бегать неприятные мурашки.

Через некоторое время мои мысли превратились в сны. Прежде, чем дождь превратился в море, моя кровать – в лодку, а запах потухшей свечи слился с индийскими пряностями.

Дождь все не заканчивался, и дядя попытался уговорить меня доехать до библиотеки на карете. Но запрягать лошадей ради такого небольшого расстояния было крайне глупо. Поэтому я попросила принести мой зонт, в очередной раз заверила, что справлюсь сама, и отправилась в путь.

Дождь был не очень сильным, но периодически возникающие порывы ветра делали мой путь довольно рискованным. У меня ушло примерно вдвое больше времени на дорогу,

чулки промокли, я чуть не потеряла шляпу и тихонько выругалась, когда ветер согнул мой зонтик так, что он сломался.

Сегодня я пришла позже, чем в предыдущие дни, и мистер Рид уже находился в библиотеке, потому что дверь была открыта.

С облегчением я толкнула тяжелые двери и сделала несколько шагов в вестибюль, после чего небрежно поставила сломанный зонтик рядом с дверью и стряхнула капли дождя.

Как бы мне ни хотелось этого признать, но, возможно, дядя был прав насчет кареты.

Я вытерла капли с лица и услышала голос громко ругающегося человека. Похоже, мистер Рид был в плохом настроении. Даже в худшем, чем обычно.

Вздохнув, я сняла шляпу и быстрыми движениями поправила волосы, направляясь через вестибюль к читальному залу. Как только я вошла в него, неожиданный порыв ветра сбил меня с ног, а большие капли дождя оросили пол передо мной. От испуга и шока я встала как вкопанная. Затем, подняв голову, посмотрела на стеклянный купол, в дальней части которого зияла дыра размером с человека.

Это невозможно! Когда это произошло?

И тогда полное осознание произошедшего поразило меня, словно удар. В библиотеке шел дождь. Паника охватила меня.

– Господи, книги! – вырвалось громче, чем мне хотелось бы, я приподняла подол и побежала к ближайшей лестнице.

– Мисс Крамб. Какое счастье! – с облегчением воскликнул мистер Рид, когда я добралась до последней ступени. Он все еще был в пальто, клетчатый шарф криво висел на шее, словно он начал его снимать, но ему помешали. Его темные волосы намокли и слиплись. – Я уже думал, что вы не придете сегодня, – произнес он и нервно провел рукой по волосам, которые после этого стали торчать во все стороны.

– Что произошло? – спросила я, но в тот же миг увидела в проходе мокрый чемодан-сундук, который, несомненно, и являлся виновником случившегося. Все было усеяно осколками стекла, несколько деревянных половиц сломалось, не хватало целой части перил, а сверху дождь капал в уже образовавшиеся большие лужи.

С полок свисала разбухшая бумага из кожаных переплетов, в воздухе витал холодный, влажный запах старых чернил, и мое сердце остановилось при виде уничтоженных книг. В груди образовался тяжелый ком, и мне пришлось взять себя в руки, чтобы не расплакаться, ведь это было бы не очень профессионально.

Чья-то рука упала на мое напряженное плечо, но я все еще была слишком потрясена ситуацией, чтобы хоть как-то отреагировать на это.

– Дышите. Мы с этим справимся, – сказал мистер Рид мягким голосом, чего я совершенно не ожидала, но именно это вывело меня из оцепенения.

Я удивленно посмотрела в его усталые глаза, под которы-

ми обозначились темные круги, и попыталась взять себя в руки, медленнее дышать и успокоить сердцебиение.

Он был прав. Мы справимся с этим, и паника в этом не поможет. Шаг за шагом.

Мистер Рид убрал руку, и я почувствовала холод в том месте, где она лежала.

– Я пойду и позову кого-нибудь, кто поднимется на крышу и прикроет дыру. Вы уберете книги с полок в другой конец комнаты, – распорядился он, завязывая шарф. – Я ненадолго. Не впускайте студентов, кроме тех, кто предложит помощь.

Я кивнула, пытаюсь улыбнуться, но безуспешно. Я вся промокла, замерзла, а непрекращающийся дождь наверняка уничтожил сотню книг. Я была в шоке и не могла себе даже представить, сколько работы нас ждет.

– Мисс Крамб, – услышала я свое имя и снова направила свой, блуждающий по хаосу из стекла, бумажной каши и щепок от дерева, взгляд на мистера Рида.

Его глаза внимательно смотрели, поза была выжидательной, а руки дернулись, словно он не мог решить, хочет ли сейчас прикоснуться ко мне или нет.

– Вы нужны мне сейчас, – мягко произнес он, и я кивнула.

Он нуждался во мне. Хотя я была всего лишь девочкой на побегушках. Он нуждался во мне здесь и сейчас, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь ему.

– Хорошо, мистер Рид, – дрожащим голосом ответила я

и расправила плечи.

Уголки его рта дернулись, взгляд на мгновение остановился на мне, а затем он вздохнул и повернулся к лестнице. Его шаги затихли в зале, и только хлопок двери вывел меня из оцепенения.

Я постаралась приободриться, успокаивая себя тем, что моя работа важна, и снова надела шляпу на голову. Торопливо схватив тележку, я подошла к стеллажу и взяла первую книгу. С хлопотным звуком вытащила ее, и, когда сжала обложку, из книги потекла темно-синяя струйка.

Мое сердце обливалось кровью. Никто, наверное, уже не сможет спасти эту книгу.

Ущерб ограничивался медицинским разделом с буквы Г до М, а также книгами наверху, в кольцевом проходе. Внизу на книгах было всего несколько капель, которые оставили темные пятна на кожаных переплетах. Я уже освободила три полки и убрала книги, когда вернулся мистер Рид. Он промок еще больше и распорядился зажечь в комнате отдыха камин, о существовании которого я даже не догадывалась. Я ушла на его поиски и нашла за какими-то ящиками, которые давно собиралась убрать.

Камин оказался маленьким и больше походил на печку, я вытащила корзину с дровами из-под стопки пожелтевших газет. Впервые мне показалось преимуществом, что я из пригорода, потому что разведение огня было для меня обычным делом.

Мне не потребовалось много времени, чтобы сложить несколько тонких бревнышек, положить сверху более толстые поленья, а оставшееся место набить стружкой. В корзине я нашла спички и с помощью газет разожгла огонь. Когда тепло усилилось и достигло не только моих рук, но и лица и остальных частей тела, я облегченно вздохнула и дала себе несколько секунд, в течение которых просто сидела на корточках перед огнем, прежде чем закрыть заслонку и поспешить обратно.

Мистер Рид подтолкнул ко мне тележку с книгами, и я с облегчением обнаружила, что они не настолько повреждены, как те, которые убирала я.

– Отвезите их в комнату сушиться! – приказал он мне, убирая мокрые волосы с глаз.

– Проклятье! – услышала я голос Оскара, когда он и Коди поднимались на тросе в кольцевой проход.

– Возьмите тележку и уберите книги из зоны повреждения! – обратился мистер Рид к мальчикам, и в этот момент дождь вдруг прекратился. Все посмотрели вверх, где несколько мужчин натягивали на стекло большую клеенку.

– Новый план, мальчики. Идите в дом для персонала и возьмите у миссис Кристи тряпки, чтобы вытереть полы, – объяснил мистер Рид, и они молча спустились по лестнице и исчезли.

Мистер Рид с улыбкой на лице взглянул на меня. Это выглядело настолько сюрреалистично. Он стоял в своей биб-

лиотеке, промокший до нитки, держал в каждой руке по совершенно испорченной книге и все же мог радоваться тому, что вода больше не капает в его святыню.

— Как обстоят дела с огнем? — спросил меня он, положив две книги в стопку к другим, безнадежно потерянным фолиантам, и подошел ко мне.

Он старался не подавать виду, но я заметила, насколько он замерз.

— Горит, — осведомила я, и он удивленно приподнял брови. Он явно не ожидал, что мне легко это удастся. — Я из пригорода, мистер Рид, — объяснила я, на что он только кивнул. — Вам стоит посидеть немного около камина и высушить книги, — предложила я и, не дожидаясь ответа, подтолкнула тележку, которую он только что поручил мне, подобрала подолы юбок, чтобы маневрировать между лужами, и начала подбирать обрывки бумаги.

Позади себя я услышала стук колес тележки и украдкой улыбнулась тому, что он меня послушался.

Потребовался целый час, чтобы все насухо и начисто вытереть. Несколько пришедших этим утром в библиотеку студентов помогли вынести на улицу осколки и обломки, а также открепить металлические пластинки от поврежденных книг.

Сто двадцать книг были принесены в жертву дождю. К ним присоединилось еще несколько, которые, как мы думали, еще можно спасти. Внутри разливалась такая досада, по-

тому что каждая металлическая пластинка, которая отправлялась в маленькую коробку, была словно укол в сердце.

Нам придется снова закупать все эти книги. К счастью, обо всех имелись подробные записи. Я смиренно вздохнула, потому что моей задачей было найти все адреса и записать их вместе с выходными данными книг.

Я потеряла руки, чтобы согреть их, и собралась пойти в читальный зал, чтобы там за столом разложить пластинки в алфавитном порядке, как кто-то поставил передо мной чашку чая.

Мой взгляд проследовал по темной руке, которую я легко узнала, до ее владельца. Генри поставил стул рядом со мной.

– Я слышал, что произошло, – произнес он, и я грустно улыбнулась.

– Спасибо за чай, – ответила я, взяв чашку окоченелыми пальцами.

– У меня с собой целый термос, – добавил он, и я рассмеялась. Генри был поистине заботливым человеком. Прямо как моя мама. За исключением того, что она слишком усердствовала.

– Нам стоит принести чай мистеру Риду, – поднимаясь со стула, быстро сказала я.

– Хорошо, хорошо. Мистеру Риду, – мой брат весело усмехнулся и вытащил вторую кружку из кармана пальто. – Он что, оставил свою маску адского существа, а? – продолжил меня поддразнивать брат, и я осуждающе взглянула на

него.

– Когда он не гоняет тебя, как своего раба. То да, вполне возможно, – призналась я, принимая чашку, которую Генри наполнил чаем из китайского термоса.

– Я горжусь тобой, – сказал Генри и улыбнулся улыбкой старшего брата.

Я не знала точно, как это звучит для него, но оставила все как есть и просто порадовалась, что не услышала от него выговор.

Балансируя с чашкой в руке, я подошла к маленькой комнате, где мистер Рид подкладывал поленья в огонь.

– Мой брат принес нам чай, – сказала я ему и поставила чашку на свободное от книг место. Мистер Рид оставил их лежать открытыми на столе, чтобы бумага, которая пошла волнами, смогла высохнуть в теплом воздухе комнаты.

– Спасибо, – ответил библиотекарь и встал перед печкой. Его одежда уже не была такой мокрой, однако темные волосы оставались растрепанными и торчали во все стороны. Я подавила улыбку, потому что его неопрятный вид сделал из него более симпатичного мужчину, чем образ сдержанного жесткого чиновника, которого он всего изображал. – Ваш брат? – спросил мистер Рид и взял чашку в руки. – Генри Крамб?

– Да, – подтвердила я, и меня охватило странное чувство того, что они знакомы друг с другом.

– Хороший студент ваш брат, – как бы мимоходом произ-

нес он и с наслаждением сделал глоток. Затем вздохнул и повернулся ко мне. — Итак, вам следует заняться поврежденными книгами и составить мне список адресов издательств, — начал объяснять он, и я расправила плечи.

— Уже начала, — отреагировала я и повернулась к двери. Мистер Рид тоже отвернулся от меня, чтобы снова посвятить себя книгам, но я все еще могла видеть улыбку, которая украдкой заиграла на его губах. И одно мгновение я действительно гордилась собой.

Уже после первых пятнадцати книг, которые просмотрела в документах, я обнаружила, что мне не хватает всех данных за последние два с половиной года. Я понятия не имела, где их смогу найти, и даже, просмотрев их несколько раз, не нашла никакой информации о том, были ли они выданы или списаны.

Когда я подошла по этому поводу к мистеру Риду, он сказал, что информация есть у него в кабинете, и он предоставит мне ее, как только поговорит с офицерами полиции. Они прибыли к нам несколько минут назад, чтобы разобраться, откуда взялся чемодан, и высказали теорию об умышленном нанесении материального ущерба, возможно, покушении. Но мистер Рид придерживался мнения, что это был несчастный случай, и что это багаж, который упал сверху из дирижабля. Офицеры пообещали выяснить это, и спустя три четверти часа мистер Рид принес мне бумаги.

Среди них было несколько страниц, которые я искала, но

далеко не все.

Я сделала, что могла, с тем немногим, что у меня было, и снова пропустила обед. Кроме горы документов у меня было полно другой работы, которая не давала расслабиться. Например, газеты и архив.

Список в моих руках становился все длиннее и длиннее, и к концу не хватало только восьми книг, файлы о которых отсутствовали.

Я искала мистера Рида, чтобы спросить о них, но он словно испарился. Пожилой господин в кепке и мокрых штанах подошел ко мне и спросил о новых окнах, которые теперь необходимо установить. Я отделалась от него, сказав, что не могу дать никакой информации по этому поводу, и продолжила искать библиотекаря.

Оскар вскоре сообщил мне, что мистер Рид бесследно исчезает после обеда не только в среду, но и в пятницу.

Хотя в тот день мне удалось довольно хорошо поговорить с этим человеком, мой гнев снова обуял меня. Как он мог в такой безумный день просто исчезнуть? Он же понимал, что сегодня многое придется сделать и что у меня нет ни опыта, ни полномочий, чтобы разобраться со всем этим в одиночку.

Так или иначе, время шло, еще три человека спросили меня о важных решениях, и когда Биг-Бен наконец пробил пять, я была расстроена, зла и у меня все еще оставалось восемь книг, информация о которых отсутствовала. Меня раздражало, что я не могу закончить эту работу, и решила сама

взять документы.

Не так уж и сложно достать из кабинета несколько бумаг.

Я подождала, пока в шесть часов Оскар и Коди не уйдут, а вместе с ними не закроются двери библиотеки. Мне было чем заняться в этот час, и теперь я пробралась наверх. Хотелось бы сказать, что я чувствовала себя виноватой из-за того, что ворвалась в кабинет своего начальника, но это не так. Годы подслушивания за дверью притупили мою совесть.

Я ожидала, что дверь окажется запертой, но она была открыта, поэтому я медленно толкнула ее.

У меня в голове было много представлений о том, как должна выглядеть комната за ней. И все же я замерла в дверях, когда передо мной открылось личное царство мистера Рида.

Такого я не могла предвидеть.

Комната представляла собой настоящее поле битвы. Книжки и бумаги покрывали все поверхности. Письменный стол был едва заметен за стопками на нем и вокруг него.

Окна закрывали шторы, криво висевшие на карнизе, и из каждого шкафа в комнату струился хаос.

Я вздохнула, и в нос попала пыль. Найти нужные мне файлы, пожалуй, будет сложнее, чем думалось.

Глава десятая, в которой ситуация прояснилась

Я никогда так не уставала за всю свою молодость, которая раньше была наполнена только праздностью и чтением в кровати. Я сторонилась ответственности и обязанностей и теперь понимала почему.

Далеко после полуночи я брела домой в свете фонарей и не заснула по дороге только потому, что не прекращающийся моросящий дождь охлаждал лицо. Я настолько устала, что даже не боялась темноты.

В ночи дом моего дяди смотрел на меня серыми окнами и выглядел таким же, как и соседние дома.

Мистер Доллс открыл дверь после того, как я тихо постучала по ней, молясь, чтобы кто-нибудь еще не лег спать и услышал меня. Он был одет должным образом и казался весьма бодрым, из-за чего я подумала, что он, вероятно, ждал меня. Дворецкий обеспокоенно посмотрел на меня, но ничего не сказал по поводу того, что я вернулась посреди ночи.

– Не говорите об этом дяде и тете, – попросила я, на что он кивнул, сохраняя добродушное выражение на испещренном морщинами лице.

– Вы хотите что-нибудь поесть, мисс? – осторожно осведомился он, забирая у меня фонарь, в котором уже не было необходимости в освещенной свечами прихожей.

– Только спать. Спасибо, – ответила я, чувствуя, как медленно тяжелеет язык. Приложив усилия, я побрела вверх по лестнице в свою комнату, сняла одежду, небрежно бросив ее на пол. Меня не волновало отсутствие порядка и что капли дождя могут оставить пятна на ткани. За последние несколько часов я достаточно времени наводила порядок, чтобы питаться этим чувством в течение долгого времени.

Но, когда моя голова, наконец, коснулась подушки, мысли в ней не хотели успокаиваться. Я снова и снова думала над тем, что мне еще предстоит сделать. И над тем, что уже сделала.

Я рассортировала каждый документ, каждое письмо, каждую книгу, каждый файл, каждую справку, каждую записку, разложила их по стопкам, а затем по папкам. Я видела документы за последние два года и не хотела даже представлять, когда начался такой беспорядок.

Как мистер Рид мог там работать?

Мною двигала мысль, что беспорядок может разрастись еще больше, и раз уж я начала, то должна положить этому конец.

Когда я уходила из библиотеки, кабинет мистера Рида выглядел образцовой комнатой. Там все стало настолько чистым, что он мог бы принимать гостей.

За теперь убранным столом можно было работать, на нем лежал список книг, которые нужно заменить, с необходимыми адресами, рассортированными в алфавитном порядке по тематикам.

Возможно, меня и не относили к перфекционистам, но я бы ни за что не потерпела такой беспорядок на рабочем месте.

Прошло много времени, прежде чем я наконец заснула, и для меня это была короткая ночь без сновидений, ведь я снова и снова просыпалась от шума дождя.

Спустя всего три с половиной часа сна в мою дверь постукали, давая понять, что пора вставать. На удивление голова была ясной, но я с прискорбием понимала, что это редкое чувство не продлится долго и что днем я буду падать от усталости.

Я оделась, расчесала спутанные волосы и сделала простой пучок. На большее не было сил.

Дядя и тетя сидели за столом и завтракали, и я заставила себя взять тост с маслом, чтобы они не заметили, что со мной что-то не так.

Однако тетя Лиллиан была слишком внимательной, чтобы не придать этому значения, и ее светлые глаза пристально осматривали меня, пока она пила чай.

– Анимант, скажи мне, где ты была прошлым вечером? – осторожно спросила она, и дядя Альфред отложил газету в сторону.

– Я была в библиотеке, – без колебаний ответила я, размешивая молоко в чае.

– В библиотеке? Этот библиотекарь заставляет тебя работать до ночи?! – возмутился дядя Альфред, и у меня появилось желание закатить глаза. Но тетя Лиллиан следила за мной, а я не хотела ее обидеть.

– Нет, дядя Альфред. Я сама решила остаться там, – быстро успокоила я его и бросила на него взгляд. В его глазах горел гнев, а кустистые брови придавали его лицу мрачное выражение. – Чей-то чемодан разбил стеклянный купол, и дождь уничтожил часть книг по медицине. Я не могла уйти, – объяснила я, умолчав, что мистер Рид весьма охотно ушел. Он оставил меня наедине с этой неразберихой, а затем я упала в беспорядок в его кабинете, как Алиса в кроличью нору. Только вот за всеми бумагами меня ждала не Страна Чудес, а еще больше бумаги.

– Это просто ужасно! – ошеломленно воскликнула тетя Лиллиан. – Ты знал об этом, Альфред? – обратилась она к своему недоумевающему мужу. Значит, он еще не знал.

– Полагаю, что узнал бы позже, – пробормотал он в бороду, а я только кивнула. – Значит, так, Ани, сегодня ты работаешь только до полудня, я заеду за тобой на карете в половине первого, и мы сможем вместе пообедать, – ловко сменил тему дядя Альфред, чтобы не вдаваться в подробности того, что в его университете произошло что-то, о чем он ничего не знал.

Я смотрела на него большими глазами. Не знала, что сегодня работаю только до полудня. Видимо, мистер Рид забыл мне об этом сообщить.

Дядя Альфред кашлянул и напомнил, что затем мы можем поехать к дирижаблю, который приземлится в половине второго с мистером Бойлем на борту. Я ни разу не видела дирижабля вблизи, и это была хорошая возможность сразу убить двух зайцев. Он заговорщически улыбнулся тете Лиллиан после моего согласия, а я украдкой закатила глаза.

Они оба, вероятно, считали, что я и мистер Бойль уже помолвлены только потому, что один раз мило побеседовали. Это было более чем глупо. За последнюю неделю я думала об этом джентльмене всего пару раз, и ни одна из этих мыслей не была мечтательной. Мое сердце не билось чаще, и я давно начала сомневаться, что вообще способна по-настоящему влюбиться.

По дороге в библиотеку я просмотрела список задач, которые мне нужно сегодня выполнить. Я не обращала внимания на газеты, потому что в моей каморке ждало еще много дел. Кроме того, я думала, что сегодня в библиотеке появится больше студентов, чем обычно. Во-первых, потому что была суббота, а значит, нет лекций. Во-вторых, потому что у многих вчера не было возможности позаниматься в читальном зале. И в-третьих, потому что люди любопытны и наверняка толпа студентов придет взять книги только для того, чтобы увидеть хаос, который устроил чемодан.

Еще одна причина порадоваться, что можно уйти домой в полдень.

Дождь прекратился, и по парку потянулись клочья тумана, а холод проникал под юбку. Я снова пришла в библиотеку до мистера Рида, и, когда увидела его фигуру, идущую ко мне сквозь легкий туман, он показался мне уже почти родным. Каждый раз, когда я смотрела на него, во мне возникало гнетущее чувство, взрывная смесь страха и ярости.

Но сегодня утром преобладала ярость. Потому что прошлой ночью ко мне пришло решение, позволившее не подчиняться этому мужчине безропотно.

– Доброе утро, мистер Рид, – спокойно поздоровалась я, и он взглянул на меня.

– Доброе утро, мисс Крамб. – Он также поприветствовал меня и вытащил из кармана пальто ключи.

Я медленно закипала.

– Мистер Рид, я правильно понимаю, что по субботам могу уходить в полдень? – попыталась выяснить я, когда он открывал дверь.

– Да, все верно, – ответил он, словно это было само собой разумеющимся и что я уже давно должна была знать об этом.

– И почему же вы, мистер Рид, не были так любезны, чтобы сообщить мне об этом? Я не имела об этом ни малейшего понятия до тех пор, пока мой дядя не упомянул об этом сегодня утром, – продолжила я, пока мы заходили в библиотеку, и он по дороге в читальный зал снял пальто и повесил

его на спинку стула.

Мистер Рид фыркнул и повернулся ко мне, поправляя галстук.

– Мисс Крамб, – вздохнул он, словно разговаривал с маленьким ребенком, но в этот раз я не собиралась с этим мириться.

– Не утруждайте себя, – прервала я и мрачно взглянула на него. – Лучше признайтесь, что тоже допускаете ошибки. Не я виновата в том, что не знала о подобных вещах, а вы, – буквально вырвалось из моих уст, и, хотя я не могла сдержаться, все же боялась, что мои слова были слишком резкими для начала этого разговора.

Мистер Рид удивленно на меня посмотрел.

– Видимо, вы плохо спали, – только произнес он и повернулся на каблуках, подхватил свой плащ и направился к лестнице.

– Я действительно крайне плохо спала, но не это причина моего недовольства. – Я продолжила разговор, который мистер Рид так грубо оборвал, приподняла подолы юбок и поднялась вслед за ним по лестнице.

– И в том, что вы недовольны своей работой, тоже моя вина? – искажил он мои слова, и я, рассерженно фыркнув, помчалась за ним.

– Я этого не говорила.

– Я вас здесь не держу. Вы можете уйти в любой момент и передать привет вашему дяде, – достаточно едко произнес

он, хватаясь за ручку двери своего кабинета.

– Это бы осчастливило вас! – прошипела я, он устремил твердый взгляд на меня.

– Да, осчастливило бы! – так же прошипел он в ответ и распахнул дверь, чтобы уйти от этого разговора. Но вместо шага, который мистер Рид хотел сделать, он запнулся, вцепился в дверной косяк, пораженно осматривая кабинет.

Мне хотелось напомнить ему, что еще вчера он утверждал, что нуждается во мне, но я лишь поджала губы, потому что он, конечно, не послушал бы меня.

– Господи, что это?! – воскликнул он с широко распахнутыми глазами, и мне показалось это весьма нездоровым.

– Ваш кабинет, мистер Рид. Причем такой, каким он и должен быть, чтобы в нем можно было плодотворно работать, – сердито ответила я, скрестив на груди руки. Меня не волновало, насколько вызывающе я при этом выглядела, потому что пожертвовала сном, чтобы господствовать над хаосом.

– Вы это сделали? – уточнил мистер Рид, и злость начала застилать его глаза. Но теперь он не мог меня запугать. Я знала его слабые стороны.

– Разумеется, я! Но это следовало сделать не мне, а вам! – в том же тоне ответила я, и мистер Рид сжал пальцами дверной косяк так сильно, что костяшки пальцев побелели.

– Это мой кабинет, мисс Крамб. Вам здесь делать нечего. – Его терпение лопалось, а голос стал значительно громче.

– Это вы так считаете. Я лишь пыталась выполнить свою работу. Вы даже не смогли предоставить мне нужные документы. Будь вы здесь, я бы спросила вас о них. Но для вас было куда важнее просто исчезнуть, – огрызнулась я и обвинительно указала пальцем на библиотекаря.

– У меня была назначена встреча, – стал защищаться он, к моему удивлению, я нащупала его больное место и сразу же атаковала.

– Вы оставили меня вчера одну в такой трудный час. Могли хотя бы сказать мне об этом, вы изверг! – выкрикнула я, и от гнева на глазах появились слезы.

– Это не дает вам права врываться в мой кабинет и рыться в моих вещах, – попытался возразить он, но это было очень слабое оправдание. Слезы в моих глазах смягчили его. Я смахнула их, так как мне хотелось противостоять ему на равных, а не быть жалкой.

– Вещах? Не смешите меня, – воскликнула я и постепенно почувствовала, как мне становится все жарче в теплом пальто. Горячий спор давил на грудь, и я начала расстегивать пуговицы, не выпуская мистера Рида из виду. – Если вы хотите мне сказать, что в этом беспорядке была определенная система, то я назову вас лжецом, мистер Рид!

– Вы понятия не имеете! – опровергнул он мои обвинения.

– Имею, нравится вам это или нет. Вы пугаете меня, смотрите свысока с тех самых пор, как я вошла в эту библиотеку.

Вы не цените меня и называете медленной и неспособной. Вы принижаете меня, чтобы казаться авторитетнее, но на самом деле вы ничем не лучше, — начала я обвинительную тираду на одном дыхании, чтобы мистер Рид не смог меня прервать. — Вы живете в беспорядке, который выходит из-под контроля. Вы слишком неорганизованны, чтобы справиться со своей работой, и вымещаете свой гнев на мне. Знаете, я думала, вы издеваетесь надо мной, утаивая так много информации, но ошибалась. Теперь я поняла, что вы просто забываете все, потому что в вашей голове царит такой же беспорядок, как и в вашем кабинете! — Я глубоко вздохнула, рывком сняла пальто с плеч и ушла в соседнюю маленькую комнату, оставляя мистера Рида стоять там.

— Мисс Крамб, — произнес мистер Рид низким от гнева голосом.

Но я не позволила ему продолжить. Не сейчас. Это был мой момент, таким он и останется.

— Не смейте критиковать меня, пока, черт возьми, сами не идеальны! — зашипела я, как дьявольская уличная кошка в восьмой жизни, и одарила его таким сокрушительным взглядом, что возражение мистера Рида застряло в горле, и он без лишних слов медленно, как бы отступая, исчез в своем кабинете.

Я повесила пальто на крючок, сделала глубокий медленный вдох, пока воздух полностью не заполнил мои легкие, и так же медленно выдохнула.

Мои руки дрожали, голова опустела, и весть гнев, который я держала в себе с первого рабочего дня, волшебным образом испарился. Криком я избавилась от него и поняла, что теперь в библиотеке все будет по-другому. Но большая перемена предстоит и мистеру Риду. Это я могла ему пообещать.

Глава одиннадцатая, в которой мое сердце выскочило из груди

У меня оставалось не так много времени, и я занялась сортировкой книг, тягостным походом в архив и горой возвращенных книг.

Когда внезапно рядом со мной кашлянул дядя, я чуть не уронила три тома по истории, которые ставила на полку, так сильно удивившись, что уже был полдень. Но, посмотрев на часы в вестибюле, я убедилась, что он пришел вовремя, и пошла за своим пальто.

Я на секунду задержалась у двери мистера Рида, поразмыслив, стоит ли мне просто уйти и позволить ему дальше сидеть в своем кабинете и обижаться.

Потому что именно это он и делал. После нашей ссоры он не открывал двери кабинета и не издал ни звука.

Я вздохнула про себя. Если сейчас уйду, не поговорив с ним еще раз, за выходной ситуация между нами наверняка ухудшится, и вновь появиться здесь в понедельник будет стоить мне больших усилий.

Я робко постучала в дверь. Еле слышный стук в таком тихом здании, казалось, полностью поглотила древесина.

Послышался тихий шелест бумаги, как скрипит дерево от

перенесенного на него веса и вымученный вздох.

– Войдите, – произнес мистер Рид, и я слегка приоткрыла дверь.

Кабинет по-прежнему выглядел практически таким же, каким я оставила его вчера. Книги на полках, документы в шкафу, открытые шторы. Только на столе я заметила новое начало хаоса, с которым вчера покончила.

Мистер Рид сидел на стуле, держа перед собой стопку почтовых бумаг, открытую чернильницу, конверты и список уничтоженных книг, над которым он, вероятно, работал.

Он написал по всем адресам? Восемьдесят пять адресов, восемьдесят пять писем.

– Мисс Крамб? – Мистер Рид привлек мое внимание, когда я просто застыла в дверном проеме и ни на что не реагировала.

Я моргнула.

– Вы сами пишете эти письма? – удивленно спросила я, хотя собиралась просто попрощаться.

– Да, – кратко ответил он, держась даже более сдержанно, чем обычно. Ссора, которую я начала, повисла между нами. Значит, именно мне нужно было закончить ее.

– Я могла бы вам с этим помочь, – предложила я, и мистер Рид устремил взгляд на меня. Он снял очки, пристально рассмотрел мое лицо, пытаясь найти в моих словах скрытый смысл.

Но его не было, я лишь предложила свою помощь.

Мистер Рид поджал губы, затем вздохнул и опустил взгляд на письма.

– Это очень любезно с вашей стороны, мисс Крамб. Но я знаю этих мужчин уже много лет. Они обидятся, если им напишу не я.

Я кивнула и вспомнила, зачем изначально постучала в дверь, на моих губах заиграла улыбка. Не знаю почему, но каким-то образом эта ситуация улучшила мое настроение.

– Ладно. Тогда я пойду. Хотела лишь пожелать вам хорошего дня, – сказала я библиотекарю, и он кивнул.

– Хорошего дня, мисс Крамб, – ответил он спокойным голосом, и я повернулась, чтобы уйти. – Мисс Крамб! – крикнул он мне вслед, отодвинув стул и быстро встав с него.

Я повернула голову и вопросительно приподняла брови.

– Вы вернетесь в понедельник? – спросил он, и я удивилась, что дала ему повод усомниться в этом.

– Да, мистер Рид, – подтвердила я и затем осторожно закрыла за собой дверь.

Я поспешила вниз по лестнице и подошла к дяде, который ждал меня в вестибюле. Я взяла его под руку, и тут меня осенило. Причина моего хорошего настроения заставила меня улыбнуться. Мистер Рид был вежлив! Впервые он проявил необычайную вежливость и в выборе слов, и в тоне, и в отношении, и мне было приятно видеть в его глазах наконец ту признательность, на которую я рассчитывала.

Я была достойна того, чтобы со мной обращались вежли-

во.

Хоть этот момент и не продлился долго, он был лучшим из того, что произошло за последнюю неделю.

Мы пообедали не в кафетерии, а в небольшом ресторане неподалеку от кампуса. Он был красиво оформлен, и еда оказалась достаточно вкусной, поэтому я заказала второй десерт.

Дядя поддразнил меня, называя обжорой, и в четверть первого мы отправились на взлетно-посадочную площадку.

По непонятной причине я была немного взволнована, но не могла точно сказать, было ли это из-за дирижаблей, которые я сейчас увижу, или, может быть, из-за возвращения мистера Бойля.

Мы доехали до площадки, и наша карета остановилась у края дороги. Дядя Альфред открыл дверь, вышел и подал мне руку, чтобы я не поскользнулась на ступеньке.

Я почувствовала беспокойство и неуверенность, но в то же время не могла дожидаться, чтобы войти в здание, стоящее перед нами. Оно было высоким и великолепным, с каменными арками, огромными окнами и часами в центре фасада, настолько красиво декорированными, что почти превосходили Биг-Бен.

Так же как и на вокзале, вокруг суетились толпы людей, и я стояла рядом с дядей, чтобы не затеряться между людьми, чемоданами и тележками для них.

Дядя Альфред незамедлительно вошел в здание, и я про-

следовала за ним.

Несмотря на то, что великолепное сооружение очаровало меня, а общая суэта людей вызвала во мне легкую эйфорию, я все же нервничала, когда кто-то протискивался совсем рядом со мной. Шелест юбок, беспокойный гул голосов, сотни ботинок, создающих эхо, удушливый воздух из-за дыхания незнакомых людей, толкавших меня в плечо, чемодан, от которого я едва успела увернуться.

Хотя суэта города мне нравилась гораздо больше, чем однообразие пригорода, я не могла избавиться от тревоги и нехватки воздуха, когда толпа смыкалась вокруг нас по мере того, как мы продвигались к залу.

Я придвинулась ближе к дяде, подняла голову и попыталась сосредоточиться на собственных шагах.

Это не могло быть слишком далеко. Перед нами открылся вид на огромную площадку, которую можно было увидеть через высокие окна. И когда мой взгляд упал на гигантский дирижабль, который только что совершил посадку, я на мгновение забыла обо всем остальном вокруг себя. Как будто мир затаил дыхание, давка вокруг меня исчезла так же, как и голоса, топот и суэта.

Воздушный шар размером с целый квартал и похожий на мяч для регби, наполненный газом и горячим воздухом. Гондола, расположенная под ним, выглядела совсем крошечной, хотя она наверняка вмещала огромное количество людей. Искусно вырезанное дерево, как на кораблях древних вре-

мен, словно капитан Немо⁴ заставил свой Наутилус летать. Это походило на проблеск романа в реальной жизни, будто буквы обрели форму.

Все было так непостижимо и потрясающе, что я не могла перестать смотреть на дирижабль. Даже когда он уже приземлился и люди высыпали из гондолы. Рабочие натягивали тросы, карабкались вверх по узким лестницам, по изогнутому шару. Пассажиры покинули площадь и вошли в здание, другие выбежали на улицу и поднялись в гондолу, чтобы отправиться в новое путешествие, которое показалось мне настолько фантастическим, что я бы с удовольствием отправилась с ними.

– Какая честь, мисс Крамб, – внезапно сбоку раздался голос, и я так сильно напугалась, что с губ сорвался тихий визг.

Мое сердце колотилось от страха, когда я повернулась к мистеру Бойлю, который незаметно встал рядом со мной.

Я стояла у металлических перил, обхватив руками холодное ограждение, не в силах вспомнить, когда он подошел.

– Прошу прощения. Я не хотел вас так напугать, – извинился мистер Бойль, и в уголках его губ появилась улыбка. Он выглядел так же хорошо, как и в первую нашу встречу.

---

⁴ *Капитан Немо* (лат. Nemo – «Никто») – персонаж романов Жюль Верна. Инженер, изобретатель, конструктор, ученый-океанолог, борец против британского колониализма. Создатель и командир фантастического подводного корабля «Наутилус», который действует в двух романах Жюль Верна: «Двадцать тысяч лье под водой» и «Таинственный остров», составляющих вместе с романом «Дети капитана Гранта» трилогию, объединенную общими героями.

– Она мечтательница, наша Ани, – засмеялся дядя, и мне не понравилось, как обо мне говорили.

– Вы увидели дирижабль? И как вам? – спросил мистер Бойль, словно не заметив комментария дяди, за что я была ему благодарна.

– В самом деле потрясающе, – призналась я и улыбнулась, потому что ничего не могла с собой поделать. – Они намного больше, чем я представляла.

Мистер Бойль улыбнулся в ответ доброй, обаятельной улыбкой, и, как и при нашей первой встрече, я сразу почувствовала некоторую близость между нами.

– Скажите, сколько людей поместится в нем? Как выглядит гондола внутри? Ох, каково это, летать на нем? Вы чувствуете, как ослабевает сила притяжения, когда поднимаетесь вверх? – Слова вырывались из моих уст, и мне стало немного стыдно за мое любопытство, которое обычно я так ярко проявляла только рядом с отцом, дядей или Генри.

Но мистер Бойль не знал другую меня, потому что на прошлой неделе во время нашей первой встречи я так же засыпала его вопросами.

Мистера Бойля совершенно не задело мое любопытство, и он по-доброму рассмеялся над моим потоком речи.

– Я постараюсь ответить на все ваши вопросы, мисс Крамб, – пообещал он, и я почувствовала трепет от предвкушения новых знаний.

– Но не здесь, моя дорогая. – Дядя резко прервал разговор

и указал на главный вход, через который мы вошли в холл. — Идите на улицу. Я позабочусь о твоём багаже.

— В этом нет необходимости, Альфред, — тут же заявил мистер Бойль, на что дядя махнул рукой.

— Моей племяннице нужны ответы. Я не только тебе сделаю одолжение, если оставлю вас одних, — бросил он, ухмыльнулся, подмигнул и ушел в противоположном направлении.

— Ну что ж, — сказал мистер Бойль, словно припоминая, как звучал мой первый вопрос. — Итак, в гондоле помещается тридцать человек. Конечно, могло и больше, если говорить только о ее площади. Но я точно не знаю, играет ли какую-то роль вес, — начал рассказывать он, и мы не спеша пошли к выходу.

Толпа снова стала плотнее, и я прижалась к мистеру Бойлю теснее, чем было принято. Я бы с радостью взяла его под руку, чтобы не чувствовать себя такой потерянной в этом скоплении людей, но мне не пришло в голову сделать это самой, раз он не предложил мне свою руку.

— Гондолы всегда выглядят по-разному. В этот раз интерьер был чистым произведением искусства. Но я также летал на более скромных дирижаблях, — продолжил он.

Какой-то мужчина так неудачно натолкнулся на меня, что я слегка отлетела в сторону. Из горла вырвался испуганный звук, и я почувствовала боль в плече, но спустя пару секунд оказалась в объятиях мистера Бойля, который смотрел на

меня с беспокойством своими медовыми глазами, в то время как мои пальцы цеплялись за его руки.

Только когда он снова выпрямился, а я твердо стояла на ногах, поняла, что задержала дыхание, и теперь торопливо хватала ртом воздух.

– Про... простите, мистер Бойль, – пробормотала я, и мне потребовалось мгновение, чтобы высвободиться из его объятий.

Люди вокруг нас продолжали толкаться, а мистер Бойль все еще не отпускал меня. Он осторожно взял меня за руку и обнял так, что я твердо стояла рядом с ним и держала его под руку.

– Хорошо, мисс Крамб, я с удовольствием поймаю вас в любое время, – признался он мне с лукавой улыбкой, и в этот момент, хотела я этого или нет, у меня сердце выпрыгнуло из груди. Странное чувство охватило меня, и я списала это на шок.

Я быстро оглянулась, но человек, который толкнул меня, уже исчез в толпе.

Мистер Бойль проложил нам путь к выходу, и тут же толпа расступилась, выпустив нас на свободу.

Теперь я точно знала, что совершенно не люблю скопления людей. Но мне было приятно иметь рядом с собой спасителя с янтарными глазами.

Глава двенадцатая, в которой я узнала о полете

Я совершенно забыла о званом вечере у Кентов, пока мистер Бойль не напомнил мне о нем и не спросил, сможет ли он увидеть меня там сегодня вечером. Он улыбнулся и пристально посмотрел на меня.

Я, не раздумывая, ответила ему согласием, и меня охватило какое-то предвкушение. Оно заставляло нервничать и постоянно улыбаться. Но кроме того, прогнало усталость, которую я давно уже должна была почувствовать.

Мы поехали в карете обратно в университет, так как дяде Альфреду и мистеру Бойлю нужно было обсудить результат поездки мистера Бойля и их последующие действия в кабинете.

Я не знала, о чем шла речь, и была в абсолютном смятении, чтобы интересоваться этим, что являлось совершенно нетипичным для меня.

Кучер отвез меня домой, где я с облегчением надеялась на свободный вечер. Но тетя Лиллиан ухватила за возможность вытащить меня в город, чтобы купить мне новое платье. Конечно, к вечеру оно не будет готово, но она пообещала устроить бал в следующую субботу.

Хотя я обычно не любила балы, в этот раз у меня возникло странное чувство радости от идеи встретить там мистера Бойля.

Мне позволили самой выбрать ткань и фасон для платья. Тетя Лиллиан стояла рядом и давала советы, но, к моему облегчению, не принимала решение за меня, как это часто делала моя мама.

После того как мы выпили чай в красиво обставленной кондитерской и съели по маленькому кусочку тыквенного пирога, я уговорила тетю ненадолго заглянуть в книжный магазин, прежде чем мы вернемся домой, чтобы подготовиться к сегодняшнему вечеру.

Мы помогли друг другу одеться. Небесно-голубое платье для моей тети и солнечно-желтое платье для меня. Она причесалась, а потом усадила меня на табурет перед туалетным столиком.

Я смотрела себе в глаза, пока тетя Лиллиан расчесывала мои волосы и затем начала их заплетать. Я абсолютно осознанно смотрела в светлую серо-голубую радужку своих глаз, рассматривала покрасневшие щеки и невольно спрашивала себя, понравлюсь ли мистеру Бойлю.

Однако эта мысль насторожила меня. Мистеру Бойлю? Конечно, мне стоило заметить это раньше, ведь у меня всегда был аналитический склад ума. Но в этом конкретном случае мои собственные чувства были настолько мне чужды, что я не смогла так быстро разобраться в них.

Но я действительно намеревалась влюбиться. В мистера Бойля. Я сама себе удивилась.

До сих пор я была влюблена только в книги и в миндальное печенье моей бабушки, но никогда не в мужчину.

Как я должна справиться с этим? Мне нужно что-то предпринять? Или я могла просто плыть по течению? Какие будут последствия?

Я подумала о том, чтобы обратиться по этому поводу к тете Лиллиан. В конце концов, у нее был опыт в делах сердечных. Но боялась, что потом она расскажет все дяде Альфреду, а он – моему отцу, и если мой отец узнает об этом, то я уже не смогу спрятаться от матери.

Так что лучше не стоит.

Дядя Альфред рано вернулся домой и с помощью жены занялся приготовлениями, а я сидела внизу в гостиной в своем темно-зеленом кресле и читала одну из моих новоприобретенных книг, где речь шла о временах неуклонно растущих колоний в Африке.

В последнее время я слишком мало читала и наслаждалась минутами отдыха, позволяя взгляду скользить по черному шрифту, а словам складываться в предложения, чтобы их смысл оставил отпечаток в моей памяти. Это были моменты, когда я становилась самой собой, когда меня не волновали другие, и я сбегала из реального мира.

– Анимант, – голос тети вырвал меня из тишины, и я подняла голову, чтобы взглянуть на нее. – Ты идешь? – спросила

она, надевая светлые перчатки на тонкие пальцы.

Я чуть не спросила куда, когда мое прекрасное желтое платье привлекло мое внимание, и сердце внезапно забилось быстрее.

Несмотря на то, что была на середине абзаца, я захлопнула книгу, положила ее на стоящий рядом столик и поднялась, шурша юбками.

Дядя Альфред спускался по лестнице, выглядя непривычно благородно, и это привело меня в изумление. Карета подъехала, и мы вышли на улицу.

Поездка заняла около четверти часа, и все это время я нетерпеливо ерзала по скамейке, пока мы, наконец, не добрались до дома Кентов, который ярко освещал всю улицу, погружая ее в золотистое мерцание.

Дядя Альфред протянул руку, чтобы помочь нам выйти, и мы зашли в достаточно теплое здание. Когда у нас забрали пальто, дядя представил меня Кентам, пожилой супружеской паре с доброй улыбкой и такими же глазами. Они поприветствовали нас, миссис Кент сделала комплимент моему милому лицу и следом отметила, что ее внук все еще свободен.

Я с трудом заставила себя улыбнуться, когда моя тетя начала хихикать, затем сделала небольшой реверанс и убежала в соседнюю комнату.

На этом вечере, в отличие от прошлого, на котором я была с тетей Лиллиан, было гораздо меньше людей. Всего около

двадцати человек, и, к моему счастью, большинство из них уже состояли в браке.

Здесь также были еще две девушки моего возраста или младше. Они не обладали красотой, и, стоило признаться, их расшитые наряды не смогли этого компенсировать.

Другая дама, мисс Уолкер, показывала каждому, хотел он того или нет, свое слишком большое обручальное кольцо, подаренное ей на прошлой неделе ее горячо любимым Герольдом, который, к сожалению, не смог сегодня прийти.

Мне даже не нужно было подходить к ней, чтобы узнать об этом, потому что она говорила так громко, что я невольно все слышала.

Мистер Бойль пока не появился, и это немного меня расстраивало. Но я оставалась невозмутимой и пыталась не привлекать внимания.

Чтобы скоротать время, я взяла бокал пунша, который, как меня заверили, не был слишком крепким, так как Кенты почти не употребляли алкоголь, и, растерянная, встала рядом с камином.

Это место в любой комнате, где я меньше всего чувствовала себя не в своей тарелке. Конечно, я всегда могла присоединиться к небольшой группке и поболтать о пустяках, но мне это не нравилось.

Молодой человек поймал мой блуждающий взгляд, прервал разговор, в котором принимал участие, и подошел ко мне.

Он был худощав, хорошо одет, и, хотя у него был слишком высокий лоб, он не обезобразил его утонченные черты лица.

– Мисс Крамб, не так ли? – сказал он, прислонившись к камину рядом со мной.

– Верно, – подтвердила я. – А с кем я имею честь говорить? – спросила я, не уверенная, действительно ли это окажется честью.

– Уильям Кент, – представился он, и я поняла, что это, должно быть, тот самый неженатый внук. – Хозяева дома – мои бабушка и дедушка, – добавил он, словно без этого не было понятно, кто он, и я сделала глоток пунша, чтобы удержаться от закатывания глаз.

Пунш действительно оказался мягким, чему я до этого была рада и о чем теперь сожалела.

– Вы гостите у дяди? Вы давно в Лондоне? – начал он разговор, и я заметила, как он изо всех сил старался держать руки неподвижными. Он нервничал.

– Одну неделю, – сказала я, предоставив ему возможность самому решить, долго это или нет.

– Ох, вы уже все осмотрели? – весело поинтересовался мистер Кент, стараясь не пропустить мою реакцию. – Лондон поистине замечательный город, не находите?

Конечно, мистер Кент предполагал, что все, что мне остается делать в этой жизни, – это осматривать достопримечательности Лондона. Наверное, он был бы прав, если бы речь шла о любой другой девушке, но не обо мне.

– Я вынуждена разочаровать вас, мистер Кент. У меня не было на это времени, – призналась я, и он удивленно взглянул на меня. Поначалу он даже не знал, что сказать, потому что, вероятно, ожидал совершенно не такого ответа. Он, возможно, распланировал весь диалог, а теперь был сбит с толку.

– И чем же вы занимались? – спросил он, и на его губах появилась неуверенная улыбка.

Я не была уверена в том, как он отреагирует, если услышит от меня правду, но я точно знала, что в любом случае озвучу ее.

– Я устроилась на работу. И трачу свое время на нее, – ответила я, наблюдая за его выражением лица и за тем, как у него на мгновение пропал дар речи. Его глаза в ужасе уставились на меня, а рот остался открытым.

– Ваши родители знают об этом? – пораженно уточнил он, и я задержала дыхание, не зная, стоит ли мне посмеяться над этим или глубоко оскорбиться.

– Это было идеей моего отца, – объяснила я настолько спокойно, насколько это было возможно, и все же услышала напряженность в своем голосе. Все-таки я приняла это за оскорбление, даже учитывая, что сама спровоцировала такую ответную реакцию.

– Уильям, не все считают, что единственный вклад женщины в общество – это рожать детей и молча улыбаться, – вдруг послышался голос, и я тут же повернула голову в его

сторону. Мой живот отреагировал быстрее, чем мой разум. Потому что в нем начало приятно покалывать еще до того, как я осознанно сопоставила голос с его обладателем.

– Мистер Бойль, – поприветствовала я, едва узнавая свой голос, настолько восторженно он прозвучал. Как у влюбленной дуручки. Я испугалась самой себя.

– Я никогда не утверждал ничего подобного, Уинстон, – возмутился мистер Кент, и его лицо приобрело мрачное выражение.

Было очевидно, что они хорошо знали друг друга, и, судя по язвительным комментариям, у них сложились не очень хорошие отношения.

– Ах нет? Тогда, возможно, тебе стоит воздержаться от оскорблений в сторону мисс Крамб, – сказал мистер Бойль, и я увидела, как они стоят друг напротив друга, молча обмениваясь взглядами.

Мистер Бойль выиграл, когда мистер Кент прикусил нижнюю губу и на мгновение закрыл глаза. Он снова их открыл, расправил плечи и повернулся ко мне.

– Прошу прощения, мисс Крамб. Я выбрал не совсем правильные слова, чтобы выразить свои мысли должным образом, – чрезвычайно формально начал извиняться он, и я кивнула ему. – Я лишь хотел отметить, насколько необычно для молодой девушки вашего положения заниматься подобными вещами.

– И вы не ошиблись в этом, – ответила я так, чтобы он

понял, что я его прощаю. Ведь именно так поступает открытый миру взрослый человек, которым я считала себя. Только потому, что мистер Бойль стоял рядом с нами. — Две недели назад я не думала, что вдруг окажусь в Лондоне и буду заниматься целыми днями сортировкой книг.

Мистер Кент кивнул, улыбнулся и затем поморщился, словно у него внезапно заболел зуб.

— Мне жаль, мисс Крамб. Но я просто не могу этого понять. Зачем вы ходите на работу, если у вас есть возможность заняться более приятными делами? — поинтересовался он, и я задалась точно таким же вопросом.

Я могла бы остаться дома и читать книги. Несмотря на это, я здесь, и в понедельник снова пойду в библиотеку, и вновь буду чувствовать себя усталой.

Что мной движет? Почему я считаю эту работу такой важной?

Потому что она важна для меня. Сначала мысль о побеге привела меня в Лондон, потом гордость удержала здесь. Теперь, после того как отказалась зависеть исключительно от мнения мистера Рида, я уже не понимала, зачем все это делаю.

— Женщины тоже стремятся придать своей жизни смысл, Уильям, — сказал мистер Бойль, потому что я слишком долго тянула с ответом. — Я считаю мисс Крамб амбициозным и чрезвычайно любопытным человеком. А желание узнавать новое весьма трудно остановить, — произнес он, и я взгляну-

ла на него широко раскрытыми глазами.

Амбициозность и любопытство, сказал он, и, пусть мы совсем мало что знали друг о друге, он понимал меня даже лучше, чем я сама.

– Мистер Бойль прав, – подтвердила я, не в силах скрыть улыбку на губах. В животе начало покалывать все сильнее, а сердце забилось быстрее, хотя и для того и для другого повода не было.

– Да, как и всегда, – достаточно горько выдавил мистер Кент.

Его реакция удивила меня, и я вопросительно взглянула на него.

Мистер Кент фыркнул, тяжело сглотнул и не отрывал взгляда от мистера Бойля.

– Это только между Уинстоном Бойлем и мной, мисс Крамб. Я не хочу вас больше обременять этим. Прошу меня извинить, – коротко сказал он, сухо поклонился и ушел.

Это действительно раздражало, и я сразу же почувствовала необходимость как можно более подробно узнать о том, что произошло между ними.

Мой взгляд вернулся к мистеру Бойлю, которому эта ситуация казалась неприятной. Он посмотрел на меня и слегка прочистил горло.

– Простите, мисс Крамб, вас это, должно быть, напугало, – начал он извиняться, и я тут же прервала его, положив руку ему на плечо. Кончики моих пальцев слегка дернулись.

– Мистер Бойль, вы ведь знаете, что меня не так легко напугать. Мне даже любопытно, – призналась я и усмехнулась.

Мистер Бойль облегченно выдохнул и сделал шаг ко мне, так что мы встали совсем рядом у камина, как два близких человека, шепчущие друг другу секреты.

– Уильям Кент, мягко говоря, зол на меня за то, что я расторг помолвку с его сестрой в прошлом году, – признался мистер Бойль, и я вздрогнула. Мой взгляд последовал за его и остановился на бедной, невзрачной девушке с бледным лицом, которую, как я думала, красота обошла стороной. Мистер Бойль был помолвлен? С ней?

Он, должно быть, уловил мое удивление, потому как сразу начал объяснять.

– Это был своего рода договор между нашими родителями, когда мы были еще детьми. Их целью всегда являлось объединение наших семей. И, поскольку у меня нет братьев и сестер, а у Кентов тогда была только дочь Ванесса, все решилось, как только она родилась. – Его голос звучал спокойно и пояснительно, и я внутренне немного расслабилась.

– И почему же она пошла против воли родителей? – спросила я почти шепотом, и мое сердце забилося в груди еще громче.

Мистер Бойль улыбнулся, и его губы так очаровательно изогнулись, что я на мгновение задержала на них взгляд.

– Ванесса милая девушка, и я ни в коем случае не хочу говорить о ней плохо, – сказал он, опуская лицо еще бли-

же к моему, чтобы никто, кроме меня, не мог слышать его слов. – Но я предпочитаю, чтобы девушка со мной была на равных, а не представляла собой немую куклу без собственного мнения из-за устаревших взглядов родителей на методы воспитания.

Мурашки поползли по моим рукам, когда я поняла, что он хотел этим сказать. Я глубоко вздохнула, задержала воздух, а затем посмотрела мистеру Бойлю в глаза, в которых медовым золотом плясали отблески каминного огня.

– Но я предлагаю перейти к более легкой теме разговора, чтобы еще больше не вспотеть, – пошутил мистер Бойль, не прерывая зрительного контакта.

– Если вам это поможет, – отозвалась я шутливым тоном, как будто именно он тот, кто только что потерял над собой контроль, а не я.

– Вполне, мисс Крамб. В конце концов, я еще должен рассказать вам о своем путешествии на дирижабле, – сказал он, указывая рукой на узкий диван, чтобы мы сели.

Я, как леди, взяла юбку двумя пальцами и слегка приподняла подол над полом, чтобы сделать шаг к сиденью. Мне казалось, что мои ноги парят в воздухе так же, как и подол моего платья, и на ватных ногах села на маленький диван.

Мистер Бойль сел рядом со мной, представляя собой интересную смесь сдержанности и самоуверенности, и начал рассказывать мне о полете, прерываясь на мои бесчисленные вопросы.

В какой-то момент мисс Уолкер начала играть на рояле, а тетя Лиллиан исполнила две очень красивые вокальные пьесы, и я почувствовала себя настолько хорошо, что даже ни разу не вспомнила о книгах.

Мистер Бойль рассказывал, внимательно слушал и смеялся над моими ироническими замечаниями. И, несмотря на то, что набросилась на пунш, я знала, что не из-за него у меня внутри разлились такие теплые ощущения.

Глава тринадцатая, в которой старая жизнь настигла меня

Мои пальцы скользили по кожаной обложке. Я улыбнулась и поставила последнюю книгу на ее новое место на полке. Глубоко вздохнув, я почувствовала себя хорошо.

Работа была выполнена, хотя я не верила, что когда-нибудь закончу ее, потому что мне потребовалась целая неделя, чтобы распаковать все хранящиеся в комнате ящики с книгами, занести их в картотеку и прикрепить к ним ярлыки.

Теперь в моей комнате все было прибрано и расставлено в соответствии с моей системой.

Я дала себе отдохнуть пару минут, подошла к перилам в кольцевом проходе и обвела взглядом читальный зал.

Прямо сейчас я чувствовала себя превосходно, воодушевленно и была наполнена хорошими мыслями. Понедельник был в самом разгаре, и совсем скоро начнется мой перерыв.

Воскресенье прошло так быстро, что мне это показалось совершенно нереальным.

Когда субботний званный вечер подходил к концу, мистер Бойль спросил меня, не хочу ли я провести с ним воскресенье и поехать на прогулку в осенний лес, неподалеку от Лондона. Однако я не могла согласиться на это, так как вос-

кресенье без службы казалось мне немыслимым. Мой отец был достаточно строг в этом отношении. Воскресные службы были для него превыше всего, и, хотя я часто воспринимала его строгость как тяжкий груз, все же не изменяла своей привычке. Воскресенье без службы – все равно что пирог с ревенем без сливок. Я всегда чувствовала себя так, словно чего-то не хватает.

Но мистер Бойль не отчаивался, тетя Лиллиан пригласила его на обед после церкви, и он предложил мне вместо прогулки совершить небольшую экскурсию по Лондону.

Мистер Рид, уткнувшись в книгу, вышел из своего кабинета и пошел в мою сторону. Я осталась стоять на месте и усмехнулась этому, поскольку позволила ему пройти мимо и даже не заметить меня.

Сегодня утром он поприветствовал меня, будучи в таком же плохом настроении, как и всегда, и я совершенно не имела ничего против этого. Плохое у него настроение или нет, меня это совершенно не волновало. Я была довольна собой, своей работой и прошедшими выходными.

Посещение церкви не стало чем-то, достойным внимания. Мы с тетей Лиллиан посетили уютную маленькую церковь неподалеку. Дядя Альфред после долгого званого вечера не смог заставить себя присоединиться к нам, и я решила, что не буду упоминать об этом при отце.

Мне было беспокойно, и я почти не обращала внимания на то, что говорил священник, а на обратной дороге мне ста-

ло так жарко в зимнем пальто, что пришлось снять перчатки с вспотевших рук и приложить их к холодному окну кареты.

Еда уже ждала нас, как и мистер Бойль, который пришел к нам, как и обещал.

Мы мило побеседовали, но из-за нервозности я съела три порции, просто чтобы занять себя чем-то, кроме мечтательного разглядывания мистера Бойля.

Он был действительно красивым мужчиной, и мне также нравились его манеры.

Тетя Лиллиан тепло нам улыбнулась и помахала вслед, когда мы сели в карету, чтобы отправиться на экскурсию. И, хотя я должна была чувствовать себя восхитительно-мечтательно, увидев ее ласковый взгляд, я почувствовала себя виноватой. Словно она питала надежды, которые я не могла осуществить.

Но я отогнала эти мысли и позволила мистеру Бойлю вести меня по Лондону, обсуждая достоинства и недостатки современной архитектуры. Мы посмотрели на огромную строительную площадку возле лондонской башни, где, по словам мистера Бойля, должен был вырасти мост, который когда-нибудь создаст путь через Темзу и сможет по-прежнему гарантировать отлаженное судоходство. Мы даже проехали одну станцию на паровом трамвае, после чего меня настиг ужасный приступ кашля.

Это было увлекательно и захватывающе, и в конце дня мистер Бойль благополучно доставил меня домой. Он улыбнул-

ся мне и пожелал сладких снов. И опять меня охватили своеобразные угрызения совести. Я тоже постаралась улыбнуться и скрылась в доме.

Я все еще не могла понять, откуда исходит это чувство, которое слегка скребло меня, когда я думала о мистере Бойле. Наиболее вероятным было то, что мне просто немного страшно. В конце концов, мистер Бойль стал первым мужчиной, к которому я проявила определенный интерес, и все чувства, связанные с этим, были мне еще настолько чужды, что я не могла так быстро разобраться в них. Но я была уверена, что это непременно произойдет в ближайшее время, и старалась сосредоточиться только на положительных моментах вчерашнего дня.

– Вам больше нечем заняться, мисс Крамб? – Послышался низкий голос, обращенный ко мне, и я моргнула, возвращаясь в реальность. Я все еще стояла у перил в проходе, держась руками за гладкое дерево, которое согревалось под моими пальцами, и смотрела невидящим взглядом в читальный зал.

– Я... – начала я, не сумев придумать ответ, и обратила свой взгляд на мистера Рида, который стоял рядом со мной и, казалось, пытался найти то, что привлекло мое внимание. – Нет, мистер Рид, – призналась я, когда полностью пришла в себя, надеясь, что он не заметил мой мечтательный вид. – Я собиралась уйти на перерыв и после заняться возвращенными книгами, – заверила я его и слабо улыбнулась.

– Ох, хорошо, – весьма энергично сказал мистер Рид. – Менее чем в пяти минутах от кафетерия находится почтовое отделение. Не могли бы вы отнести туда письма, которые я написал? – сдержанно спросил он, и я недоверчиво посмотрела на него.

Я не могла поверить в это спокойствие. Вежливость, которую мистер Рид продемонстрировал после нашей ссоры, настигла меня слишком внезапно, и я задалась вопросом, что же за ней скрывается. Потому что люди не меняются за такой короткий срок. Особенно те, кто критически смотрит на вас, когда думают, что вы не замечаете.

– Конечно, мистер Рид, – все же согласилась я.

– Просто скажите почтовому работнику, что вы служащий библиотеки, тогда он возьмет плату на почтовые расходы со счета университета, – сказал он, и тут вдруг до моего уха донесся звук, который совершенно не принадлежал этому месту.

Я испуганно вздрогнула, когда узнала голос, доносившийся снизу, и мой взгляд сразу же обратился к высокому проходу, ведущему из вестибюля в читальный зал.

Я узнала это пальто и слишком большое перо на шляпе. «О нет!» – только подумала я, пятась от перил, пока не ударила спиной о книжные стеллажи.

– Мисс Крамб? – вопросительно произнес мистер Рид и раздражительно сузил глаза, пока смотрел, как я стою с раскрытым ртом, глядя вниз и от испуга хватая ртом воздух.

Его внимание также привлекли голоса, казавшиеся слишком громкими для библиотеки и к тому же еще и женскими. Он подошел ближе к перилам и посмотрел вниз.

– Вы знаете этих женщин? – спросил он, и я поняла, насколько глупо повела себя.

Я снова набрала воздуха в легкие, вытеснив ощущение шока из груди, и расправила плечи, пока голос приближался и достиг верхнего конца лестницы как раз в тот момент, когда я сделала шаг от стеллажа на середину прохода.

– Анимант, – радостно воскликнула моя мама, заметив меня, отстранилась от тети и быстрыми шагами подошла ко мне.

– Прошу прощения. Это моя мама, – объяснила я мистеру Риду, который стоял рядом со мной и неодобрительно смотрел на женщину с громким голосом.

Однако после этого заявления он перевел взгляд на меня и удивленно поднял брови.

Я отошла от него и сделала шаг навстречу маме.

– Пожалуйста, мама. Это библиотека, – прошептала я, но она не обратила на это внимания, обхватила меня руками так, что я уткнулась лицом в ее шерстяной кашемировый шарф.

– Ох, Анимант, я так по тебе скучала. Я и одного дня не выдержала без моей Ани, – все еще слишком громко произнесла она, и больше всего на свете мне хотелось провалиться сквозь землю от стыда.

Мне не хотелось даже представлять, что сейчас думает об этом мистер Рид. Если я достаточно хорошо его знаю, то он смеется надо мной. Возможно, не вслух и не так открыто, но в своей коварной голове он, конечно, смеялся громко и злорадно.

– Мама, – чуть решительнее отрезала я, и она отстранилась от меня с озадаченным лицом.

– Лиллиан сказала, что у тебя сейчас перерыв, – раздраженно сказала она, и ее слова прозвучали так, словно это была веская причина для того, чтобы громко разговаривать в библиотеке.

– Да, но не в библиотеке! – Я резко отчитала маму, и она жеманно закатила глаза. На мгновение мы словно поменялись местами. Я мысленно вздохнула и взяла себя в руки, высвободилась из ее хватки и посмотрела на тетю, которая медленно приближалась к нам. – Полагаю, вы хотите составить мне компанию на обеде, – спросила я, и тетя Лиллиан, улыбаясь, кивнула и взяла маму под руку. – Тогда предлагаю вам подождать меня на улице. Я быстро сделаю еще кое-что, а затем схожу за своим пальто, – торопливо объяснила я, надеясь, что у меня еще будет несколько минут в одиночестве. К моему удивлению, обе женщины действительно согласились со мной.

– Здесь поистине гнетущая атмосфера, Анимант. Как ты находишься здесь целый день? – изумленно спросила мама и с тревогой огляделась. Ее взгляд упал на кусок перил, ко-

торый был поврежден чемоданом, и ее глаза расширились. — Ох, как это произошло? — вновь слишком громко воскликнула она, и я быстро подтолкнула их в сторону лестницы.

— Я сейчас приду, — убедительно пообещала я и была благодарна тете Лиллиан, когда она повела ее вниз.

Когда они добрались до самых нижних ступенек и, тихо болтая, направились к выходу, я сделала глубокий вдох и потерла лицо руками.

Этого я совсем не ожидала. Я ведь приехала в Лондон только для того, чтобы сбежать от матери, и при этом мне ни на секунду не приходила в голову мысль, что она может последовать за мной сюда.

Это была катастрофа, крах, трагедия. Мои тихие вечера с книгой и мои собственные спокойные мысли теперь могут наполниться множеством развлечений, которые предлагал Лондон. Званные вечера, концерты, чаепития, балы, театры, а может, даже и хуже — опера. Моя мама захочет все посмотреть и, я не сомневаюсь, потащит меня с собой. Разодевшую, скучающую и вынужденную выслушивать ее постоянные комментарии, которые будут касаться только молодых представителей лондонского общества.

Моя жизнь только начала налаживаться, но мгновенно упала в бездонную черноту, и я еще раз глубоко вздохнула, прежде чем полностью прийти в себя.

Я постаралась собраться с мыслями и не слишком драматизировать. В конце концов, я взрослый человек и справлюсь

с этим.

Медленно я направилась в сторону мистера Рида, который все еще стоял на том же месте и с едва заметной усмешкой смотрел на меня.

Этот чертов гад! Он смеялся надо мной и моими страданиями. Гнев снова захлестнул меня, и я сердито взглянула на него, прежде чем он смог открыть рот, чтобы прокомментировать только что возникшую ситуацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.